

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ**

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ОБЩЕЧЕЛОЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ

Выпуск VI

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ
на международной научно- практической конференции «Кыргызская
республика в системе евразийского экономического сообщества: проблемы и
перспективы»**

БИШКЕК 2018

УДК 1/14 (уточнить в библиотеке)
ББК 87
В 11

Редакционная коллегия:

Какеев А.Ч., доктор философских наук, академик НАН КР, руководитель редакционной коллегии;
Бугазов А.Х., доктор философских наук, профессор – ответственный редактор;
Ли Ю.В., кандидат исторических наук, доцент;
Панков В.В., кандидат педагогических наук, доцент;
Бектанова А.К., кандидат философских наук, доцент;
Лю В.М., директор филиала Фонда «Евразийцы - новая волна» в Кыргызской Республике
Бердаков Денис Михайлович, зам. директора филиала Фонда «Евразийцы - новая волна» в Кыргызской Республике.

ISBN

Настоящее издание представляет собой специальный выпуск сборника «Общечеловеческое и национальное» на основе статей и тезисов выступлений на международной научно – практической конференции «Кыргызская республика в системе евразийского экономического сообщества: проблемы и перспективы», посвященной 25-летию основания КРСУ. Конференция была подготовленной кафедрой философии и социально-политических наук университета совместно с Фондом «Евразийцы - новая волна» в Кыргызской Республике, состоявшейся 15 марта 2018 года.

В сборнике представлены статьи по широкому спектру вопросов связанных с участием Кыргызстана в ЕАЭС. Речь идет о понимании роли и значения интеграционных процессов в сфере экономики, региональной безопасности, национальной и культурной идентичности, формировании единого культурно-гуманитарного пространства и других проблемах.

Сборник представляет интерес для специалистов обществоведов, преподавателей, аспирантов, студентов, всех кого волнуют мировоззренческие и гносеологические аспекты современного общества и роль философии в его жизнедеятельности.

Издание подготовлено в авторской редакции

УДК 1/14
ББК 87

© Кафедра философии и социально-политических наук КРСУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акенева Ж.</i> ЕАЭС и Кыргызстан: итоги и перспективы.....	4
<i>Панков В.В.</i> Рефлексия социального и информационного полей на процессы вхождения Кыргызстана в пространство ЕАЭС	7
<i>Бердаков Д.М.</i> Возможности и риски сопряжения: ЕАЭС и экономического пояса «Шелковый путь».....	13
<i>Стамова Р.Д.</i> Билингвизм: от истоков к глобализации.....	15
<i>Коростелева О. Т., Попов Е.А.</i> Социология и антропология: концептуализация в современном евразийском образовательном пространстве.....	20
<i>Бугазов А.Х.</i> Особенности развития «евразийской» модели гражданского общества в Кыргызстане.....	24
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Роль стереотипов в формировании этнической самоидентификации...	30
<i>Хайбулина Ф.Д.</i> НПО как основной инструмент гражданского общества.....	34
<i>Мотина А. В.</i> Образ профессии учителя в сознании студенческой молодежи в евразийском пространстве.....	39
<i>Кондратова О.М.</i> Русский язык в Кыргызстане: проблемы перспективы развития.....	42
<i>Теишова М. Н.</i> Перспективы интеграционных процессов в образовательной сфере евразийского пространства.....	47
<i>Жылдызбек кызы Айкерим</i> Трудовая миграция из Кыргызстана в Россию в рамках ЕАЭС.....	54
<i>Бугазов А.Х.</i> Особенности образовательного процесса и нравственного воспитания учащихся в странах ЕАЭС.....	61
<i>Бектанова А. К.</i> Роль гражданского общества в странах ЕАЭС в гуманитарной интеграции и диалоге культур.....	67
<i>Урманбетова Р.Т.</i> ЕАЭС как инструмент интеграции в Центральной Азии: проблемы и перспективы.....	71
<i>Дель В. В.</i> Общая характеристика способов обеспечения духовной безопасности в евразийском пространстве.....	75

ЕАЭС И КЫРГЫЗСТАН: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уже более двух лет прошли с момента официального вступления Кыргызстана в ряды стран-членов ЕАЭС в 2015 г. Несмотря на то, что изначально у этого шага было множество противников, время показало, что это было верное решение – сегодня 92% населения Кыргызстана одобряет членство страны в Евразийском Союзе. В республике стала развиваться легкая промышленность, а положение трудовых мигрантов радикально улучшилось.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС, по сути, вывело экономику страны на новый качественный уровень, во всяком случае, придало ей новый импульс в своем развитии. Появились позитивные перспективы, в частности, на дальнейшее сотрудничество с Китаем, превращения республики в крупный торгово-логистический центр для остальных стран ЕАЭС с целью продвижения их товаров на растущий азиатский рынок.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС было продиктовано рядом обстоятельств, игнорировать которые было просто невозможно. В 2011 г. вступили в силу правила стран Таможенного Союза, на тот момент: Беларуси, Казахстане и России. В Таможенном Союзе начали действовать новые правила прохождения промышленных и продовольственных товаров. Экспорт из Кыргызстана оказался под угрозой.

В России Госдума приняла закон об ужесточении правил нахождения трудовых мигрантов из стран СНГ с 1 января 2012 г. После такого решения они должны сдавать экзамены на знание русского языка, приобретать трудовые патенты и, в случае неустройства на работу в течение 3 месяцев, покинуть территорию стран Таможенного Союза. Из 800 тыс. трудовых мигрантов из Кыргызстана 110 тыс. находились в черных списках миграционных служб. Учитывая все эти обстоятельства, руководство Кыргызской Республики приняло единственно верное решение о присоединении страны к Таможенному Союзу.

18 мая 2011 г. Кыргызстан подал свою заявку на вступление в Таможенный Союз. Она была принята на Совете глав Правительств стран Таможенного Союза. Процесс вступления затянулся на 4 с лишним года вследствие проводившихся переговоров и приведения в соответствие с законодательством стран Таможенного Союза наших национальных законодательных и нормативных актов.

Для адаптации экономики Кыргызстана к условиям стран Таможенного союза стране была оказана существенная помощь по обустройству фитосанитарных и ветеринарных лабораторий, таможенных и пограничных постов на внешних границах страны. Так, только Россия с этой целью безвозмездно выделила Кыргызстану \$200 млн. Аналогичное решение о выделении Кыргызстану \$100 млн. на безвозмездной основе принял и Казахстан. С 1 января 2013 г. заработал Кыргызско-Российский Фонд развития экономики с уставным фондом \$500 млн.

Давая заявку на вступление в Таможенный Союз, Кыргызстан стал полноправным членом ЕАЭС 12 августа 2015 г., поскольку в мае 2014 г. было принято решение о преобразовании Таможенного Союза в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС).

Сегодня уже можно говорить о первых конкретных результатах для экономики Кыргызстана от вступления в ЕАЭС.

Несмотря на то, что вступление страны в ЕАЭС произошло на фоне острого мирового экономического кризиса, девальвации национальных валют стран Союза, экономика Кыргызстана увеличила свой ВВП в 2016 г. относительно 2015 г. на 6,8%. Рост экспорта составил 12,6%. За 9 месяцев 2017 г., относительно соответствующего периода 2016 г. рост ВВП составляет 9,6%, а рост экспортного потенциала – 21,3%.

При этом годовая инфляция в 2016 г. составила минус 0,5% (дефляция), за 9 месяцев 2017 г. – 2,3%. Значительно улучшилось положение трудовых мигрантов. Они приобрели статус трудящихся и теперь пользуются всеми льготами граждан стран ЕАЭС. Это означает получение бесплатного медицинского обслуживания, школьного образования для детей, признание всех документов об образовании и квалификации, полученных ранее в Кыргызской Республике.

Существенно стали увеличиваться денежные переводы трудящихся из стран ЕАЭС в Кыргызстан. Если в 2016 г. сумма денежных переводов составила \$1,6 млрд, то за 9 месяцев 2017 г. эта сумма превысила \$1,5 млрд. В целом по итогам 2017 г. сумма переводов должна превысить \$2 млрд, что составит почти 25% от текущего ВВП страны и в 1,4 раза превышает доходную часть республиканского бюджета. По этому показателю Кыргызстан занял первое место среди стран Центральной Азии. Наши трудящиеся мигранты отправили в свою страну больше денег, чем мигранты Узбекистана, Туркменистана или Таджикистана. Я думаю, что такой показатель, достигнут из-за того, что кыргызские мигранты чаще работают по специальности, поэтому получают в два-три раза больше денег, чем мигранты других центральноазиатских республик.

Кроме того, если Россия и Казахстан – всегда выступали в роли традиционных торговых партнеров для Кыргызстана. На их долю приходится более половины внешнего торгового оборота страны. То вступление в ЕАЭС открыло новые возможности для более тесной экономической интеграции, с Беларусью и Арменией. Например, в последнее время уверенные темпы набирает товарооборот с Беларусью. За два года нахождения Кыргызстана в составе ЕАЭС он увеличился в 4,8 раза и превысил \$40 млн. Из Беларуси в Кыргызстан поступает сельскохозяйственная техника, молочная и мясная продукция, сахар, товары легкой промышленности, оборудование. Кыргызстан экспортирует в Беларусь хлопок, табак, сухофрукты, плоды и ягоды.

Противники вступления Кыргызстана в ЕАЭС объясняли свою позицию тем, что интеграция закроет границы для реэкспорта товаров из Китая в Казахстан и Россию, который, по самым скромным оценкам, составлял до 20% ВВП республики. В качестве аргументов, противники вступления в ЕАЭС, называли также закрытие для кыргызстанцев рынков Китая, других стран дальнего зарубежья, ожидаемый рост цен в Кыргызстане, использование населением товаров только из стран ЕАЭС и т.д.

Действительно, вступление Кыргызстана в ЕАЭС далось нелегко. Страна, начиная с 1998 г. (после вступления в ВТО), стала торговать товарами из КНР по сниженным ввозным пошлинам. Около 5% этих товаров продавалось гражданам Кыргызстана, а остальная часть перемещалась в виде реэкспорта в Казахстан, Россию, Узбекистан, Таджикистан и другие страны СНГ.

В стране появилось множество количество громадных рынков, вокруг которых трудились более миллиона человек из 2,8 млн. трудоспособного населения. Они были самыми принципиальными противниками вступления Кыргызстана в Таможенный союз. Однако с такой «перевалочной» экономикой рано или поздно все равно пришлось бы расстаться. Для реэкспорта товаров из Китая закрылись границы Казахстана и России. Рынки и базары стали приходить в упадок. И только создание Таможенного союза отрезвило экономику страны.

Можно сказать, что вступление Кыргызстана в ЕАЭС спасло положение дел. Сейчас торговля китайскими товарами сократилась в десятки раз, но с другой стороны, в Кыргызстане набирает силу собственная легкая промышленность.

В настоящее время в этой отрасли занято около 120 тыс. человек. В структуре ВВП легкая промышленность занимает 6,8%. В 2,4 раза увеличилось производство сельскохозяйственной продукции. Уверенные темпы набирает туристическая отрасль, которая увеличила свои показатели в 3,8 раза после вступления Кыргызстана в ЕАЭС.

Это коренным образом изменило настроение кыргызстанцев в отношении ЕАЭС. Так, в 2015 г., по данным социологических исследований, 26% населения страны было против вступления в ЕАЭС. В настоящее время 92% населения страны одобряют членство Кыргызской Республики в ЕАЭС.

Кроме того, с вступлением Кыргызстана в ЕАЭС увеличились требования к качеству выпускаемой и поставляемой в ЕАЭС кыргызстанской продукции, что несомненно является благом и для самих жителей страны. Благодаря оказанной помощи по оснащению фитосанитарных и ветеринарных лабораторий современным оборудованием, сегодня продукция из Кыргызстана продается не только в странах ЕАЭС, но и в странах дальнего зарубежья. Кыргызстанцы же покупают товары из тех стран, продукция которых им нравится больше всего.

Да и с КНР Кыргызстан продолжает тесно сотрудничать в самых разных областях: культуре, образовании и конечно в экономической сфере. Наши страны достигли ряд важнейших соглашений, по которым сегодня в стране осуществляется несколько инфраструктурных проектов. Это строительство альтернативной автомобильной дороги Север-Юг, реконструкция ТЭЦ в Бишкеке, строительство аграрного технопарка и т.д. Сотрудничество ЕАЭС с Китаем отвечает требованиям и желаниям Кыргызстана. При этом наша страна выигрывает, поскольку через ее территорию проходило в древности шесть караванных путей, из которых сегодня задействовано только два.

Имея большой опыт торговли китайскими товарами, Кыргызстан в перспективе может стать крупным торгово-логистическим центром для остальных стран ЕАЭС. Этому в большой степени может способствовать реализация идеи строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан».

Проект железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» существует уже более 20 лет. Первоначально Кыргызстану пытались навязать идею, что эта железная дорога нужна нашей стране для того, чтобы наша страна имела выход к океану. Кыргызстану предлагалось построить свой участок дороги за счет собственных средств. В настоящее время все расходы по строительству железной дороги берет на себя китайская сторона за счет проекта «Один пояс – Один путь». В конечном итоге в строительстве железной дороги заинтересованы, прежде всего, китайцы, которым необходимо продвигать свои товары и иметь дополнительные коммуникации у себя в тылу на случай блокады КНР со стороны Тихого океана.

Таким образом, ни один из прогнозов противников вступления Кыргызстана в ЕАЭС не подтвердился. Более того, на мой взгляд, развитие экономики Кыргызстана после вступления в ЕАЭС вполне может послужить дополнительным аргументом для наших соседей по региону – Таджикистана и Узбекистана в пользу сближения с ЕАЭС. Если брать настроения народа, то уже сегодня более половины населения этих государств хотели бы видеть свои страны в составе ЕАЭС.

Этому очень сильно способствует желание трудовых мигрантов и членов их семей быть в составе ЕАЭС. Они видят, как преобразилась жизнь бывших трудовых мигрантов из Кыргызстана. Последние теперь не сдают никаких экзаменов на знание русского языка, на знание истории, не покупают трудовых патентов, могут работать по специальности, бесплатно получают медицинское обслуживание. А в перспективе могут получать трудовые пенсии государств, где они работают. Надо иметь в виду, что количество трудовых мигрантов из Таджикистана достигает свыше 1,3 млн человек, а из Узбекистана – свыше 3 млн.

В 2018 г. мы ожидаем рост нашего экспортного потенциала в страны ЕАЭС, особенно легкой промышленности, которая сегодня набирает очень большие темпы.

Увеличение доходов даст обществу Кыргызстана возможность еще увереннее смотреть в свое будущее.

Панков В.В.

РЕФЛЕКСИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЕЙ НА ПРОЦЕССЫ ВХОЖДЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА В ПРОСТРАНСТВО ЕАЭС

Необходимость интеграции Кыргызстана в ЕАЭС очевидна. Безусловно, тема широкая и формат статьи не всегда позволяет даже в тезисной форме выразить ее наиболее важные системные аспекты. В этой связи мы коснемся только одного из них, по возможности не выходя за рамки заявленного информационного поля.

На сегодняшний день процесс интеграции проходит с очевидными трудностями и далеко не все они объективного характера. Так, 28 декабря 2015 г., учитывая масштабность происходящего, не так давно. Директор Центральноазиатского института по развитию А.Тусупбеков торжественно объявил, что: «12 августа 2015 года состоялась церемония закрытия 8 таможенных постов на границе Кыргызстана и Казахстана согласно Решению Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 8 мая 2015 года "Об отмене таможенного контроля на кыргызско-казахстанском участке государственной границы» [1].

В церемонии закрытия постов приняли участие президенты двух стран А. Атамбаев и Н. Назарбаев. Так закончился процесс присоединения Кыргызской Республики к Евразийскому Экономическому Союзу (ЕАЭС), начало которому было положено в 2011 году, когда Правительство КР впервые объявило о намерении вступить в Таможенный союз, впоследствии – ЕАЭС. Оценивая подготовку Кыргызстана к интеграционному объединению в рамках ЕАЭС и первые месяцы пребывания в этом Союзе, необходимо рассмотреть некоторые внешние и внутренние факторы, повлиявшие на ход подготовки, и уже очевидные плюсы и минусы от евразийской интеграции для страны.

То есть процесс во многом можно считать оформленным. Но уже несколькими строчками ниже обозначен перечень проблем, которые рассматриваются в качестве серьезных, тормозящих факторов. Не вдаваясь в детали – список можно изрядно расширить, согласимся с перечнем сложностей, уже упомянутого автором эксперта [1].

Так, одним из ключевых внутренних факторов на момент начала евразийской интеграции было то, что Кыргызстан почти полностью потерял промышленность (к 2015 г. ее доля составляла менее 20% от ВВП). Особенно плачевная ситуация была с тяжелой промышленностью, когда еще в середине 1990-х гг. Правительство КР взяло курс на приватизацию и реструктуризацию крупных предприятий в рамках программы PESAC Всемирного Банка, «благодаря» которой были ликвидированы или обанкротились около 30 заводов и фабрик, которые во времена Киргизской ССР составляли основу всей экономики республики. После такого удара промышленность КР не смогла оправиться, и суверенный Кыргызстан перестроился на рельсы транзитной торговли из Китая на Казахстан и Россию, выступив в качестве посредника. В окрестностях Бишкека был построен огромный рынок "Дордой" с товарооборотом в несколько миллиардов долларов (в лучшие годы до 7 млрд.) и численностью работающих на нем до 50 тыс. человек.

Поддерживать экономику на плаву удавалось также за счет разработки месторождения золота "Кумтор" (10-12% от ВВП), денежных переводов трудовых мигрантов (до 30% ВВП) и внешней помощи в виде многочисленных грантов и кредитов. В целом, экономика Кыргызстана за первые 15 лет суверенитета трансформировалась из индустриально-аграрной в аграрную и торгово-ориентированную, и характеризовалось

мелкотоварностью местных производителей и низкой конкурентоспособностью на региональных рынках.

Сегодня, в период некоторого обострения отношений с соседними государствами, в первую очередь – с Казахстаном, принято искать виноватых. В условиях нарастания вышеупомянутых экономических тенденций, формирующих базу общественного мнения, СМИ обрушились с критикой на руководство соседних стран. Конечно, их участие в формировании блока проблем есть, но не нужно забывать, что и в самом Кыргызстане существует масса поводов для замечаний.

Ситуация для Кыргызстана еще более заметно ухудшилась после "цветных революций" 2005 и 2010 гг., когда из республики пошел массовый отток капиталов, резко увеличилось число уезжающих из страны, уменьшились иностранные инвестиции. Не выручали в полной мере "Дордой" и увеличивающиеся поступления от мигрантов. В 2010 г. даже встал вопрос о самом существовании такого государства как Кыргызстан в результате острого внутреннего политического конфликта и межэтнических столкновений. Кыргызстану в новых условиях срочно пришлось искать новую парадигму развития. Взоры новых лидеров страны (в частности, Президента КР с 2011 г. А. Атамбаева) устремились на как раз зарождающееся в это время евразийское пространство, локомотивом которого выступили Россия, Казахстан и Беларусь. В 2011г. впервые была озвучена возможность участия Кыргызстана в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, и тогда же была подана заявка на вступление. 29 мая 2014г. в г. Астана утверждается Дорожная карта по присоединению КР к ТС, 23 декабря 2014 г. на заседании (ВЕЭС) был подписан договор о присоединении Кыргызстана к ЕАЭС. 8 мая 2015г. А.Атамбаев подписал документы о вхождении в ЕАЭС, а 12 августа Кыргызская Республика официально стала пятым участником Евразийского экономического союза.

К негативным последствиям такого шага эксперты относят:

повышение импортных пошлин для ввозимых в Кыргызстан товаров в среднем на 5-10% и, как следствие, подорожание некоторых товаров ввозимых не из стран ЕАЭС. В частности, на автомобили в течение ближайших 5 лет пошлина будет увеличена в несколько раз;

дальнейшее продолжение начавшего процесса снижения деловой активности на крупнейших вещевых рынках страны – "Дордое", "Мадине", "Карасуу";

девальвация национальной валюты (сума) на 30% за 2015 г., хотя это больше связано с уменьшением денежных переводов от трудовых мигрантов в республику на 40% и спекуляциями на валютном рынке;

закрытие ряда национальных предприятий из-за их невозможности конкурировать с производителями из России и Казахстана (например, в КР закрылись 13 из 40 мукомольных предприятий);

рост контрабанды некоторых товаров (ГСМ, продукты питания) в Кыргызстан, так как они оказались дешевле в других странах ЕАЭС, а таможенный контроль на границах облегчен;

В целом, основным вызовом для Кыргызстана в новой интеграционной реальности стал взаимосвязанный для большей части постсоветского пространства экономический кризис, как в Кыргызстане, так и в остальных членах ЕАЭС, который совпал со вступлением КР в евразийскую семью. Это дало повод противникам ЕАЭС говорить «о полном провале этого проекта в самом зародыше». Противникам интеграции на руку сыграли и ошибки, допущенные Правительством КР на уровне министерств, а также неудовлетворительная работа посольств Беларуси, Казахстана и России в КР, евразийских аналитических и исследовательских институтов, СМИ в информировании населения о преимуществах и недостатках вступления. Например, очень слабо с их стороны освещалась интеграционная подготовка в социальных сетях. В тоже время оппоненты ЕАЭС – негативно настроенные активисты некоторых НПО, поддерживаемые посольством США и других западных стран, сотрудники некоторых зарубежных СМИ,

таких как "Радио Свобода" и т.п. активно использовали соцсети для пропаганды альтернативных путей развития и "демонизации" Таможенного союза. Правительству Кыргызстана удалось выстоять против такой контрагитации в основном не за счет своей эффективной деятельности. Скорее благодаря "старому багажу" социальной памяти общества: ностальгии по СССР, традиционно положительному отношению к странам-участникам ЕАЭС, а также большому количеству трудовых мигрантов (по разным оценкам от 500 тыс. до 1 млн.), работающих в Казахстане и России. Поэтому по итогам социологического опроса Института Gallup, проведенного в феврале 2015-го года, было такое соотношение сторонников и противников вступления: 39% опрошенных полностью "за", 37% частично "за", 3% полностью "против", 11% частично "против", 10% пока не определились. Преодолев временные трудности (девальвацию нацвалюты, кризис экономики), а также успешно адаптировав страну к реалиям ЕАЭС (из 90 запланированных мероприятий по адаптации КР выполнил к декабрю пока только 49), Кыргызстан в перспективе имеет все шансы сделать качественный рывок вперед уже как полноправный участник Евразийского экономического союза[1].

В то же время, как только несоответствие Кыргызстана взятым на себя обязательствам привело ситуацию взаимодействия страны с ЕАЭС к некоторым трудностям, отечественные ура-патриоты снова бросились искать виноватых, обрушив шквал критики на всех и вся.

Нам думается, что отечественный блок проблем теснейшим образом связан с нашей отечественной ментальностью. Мы исходим из очевидности факта возможности коррекции каких-либо объективных трудностей так, сегодня Казахстан часто упрекает нас в огромных объемах поставок контрафактной продукции, не соответствующей нормам сертификации. Казалось бы – чего проще – систематизировать набор требований и соблюдать их. Однако этого до сих пор – несколько лет – не сделано. Почему?

На фоне происходящих в КР процессов регулярно возникает один и тот же вопрос. Складывается впечатление, что имеется блок факторов, альтернативных механизмам интеграции страны в системы международного цивилизационного пространства. Мы неоднократно заявляли, что главнейшим из этих факторов нам видится процесс резкой маргинализации общества КР. В настоящее время отечественное социальное пространство представляет в изобилии не только все виды маргинальных слоев, но и буквально идеальные условия для их расширения.

Позволим себе напомнить некоторые теоретические аспекты.

Понятие маргинальности (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к каким-либо социальным общностям (национальным, классовым, культурным). Маргинальность – это понятие, обозначающее промежуточность, пограничность положения человека между какими-либо социальными группами; утрата человеком объективной принадлежности к тому или иному классу, сословию, группе без последующего вхождения в другую подобную общность, что накладывает определенный отпечаток на его психику.

Специфика современного Кыргызстана заключается в продолжающемся углублении социального неравенства, что в значительной степени способствует маргинализации большей части населения. Обычными для современного человека становятся понятия "беспризорник", "бомж", "нищий" и т.д. Но мы полагаем, что дело не только в этом. Совершенно очевидно, что маргинальный человек – это человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур, испытывающий влияние противоречащих друг другу норм, ценностей и т.д. Главным признаком маргинальности служит разрыв связей человека (социальных, культурных, поселенческих) с прежней средой.

Однако мы должны четко представлять себе одну чрезвычайно важную деталь. Как принято считать, базовой социальной культурой любого общества является та, которая

характерна для его большинства (по крайней мере 50-55%). Ситуация современного Кыргызстана такова, что фактический процент маргинализации выше. По мнению некоторых отечественных аналитиков (Эшимбекова Н.С., Нестеренко Т.А.) и по результатам наших собственных исследований проводившихся в течение 2008-2017 гг. процент маргинализации общества оценивается от 65 до 78%.

Подобных цифр нет ни в одном из официальных статистических отчетов. Что вполне понятно, какое государство признается в том, что оно – «страна бомжей»? Нет их и в трудах отечественных социологов, опубликованных за последние 10-20 лет. Возникает резонный вопрос – собственно, почему? Ответ прост – базовой социальной культурой современного Кыргызстана давно стала маргинальная культура. И оценка немаргинальных страт, составляющих абсолютное меньшинство, не предполагает, что они являются частью социума. Фактически маргинальные и немаргинальные группы поменялись местами. Сегодня пора говорить о том, что социальным меньшинством после начала пропаганды контркультурных ценностей в глазах «народа» выглядит «средний класс». Почему?

Маргинальность, как известно, не является случайным стечением обстоятельств. Она может быть естественной и искусственно создаваемой или поддерживаемой. О естественной маргинальности следует говорить применительно к процессам экономического, социального или культурного характера, в силу которых во всяком обществе имеется свое "дно" в виде разорившихся и опустившихся элементов и групп, а также антисоциальных элементов – тех, кого отвергает само общество. Если процесс переструктурирования в обществе затягивается, маргинальность становится чрезмерно массовым и долговременным социальным явлением. В этом случае мы имеем дело с поддерживаемой маргинализацией. В результате сознательно проводимой властью политики искусственной маргинализации происходит перевод в периферийное, дискриминационное или ограничительное положение сотен тысяч и даже миллионов людей. Примером массовой искусственной маргинализации может служить холокост еврейской нации в середине прошлого века, проводимой фашистской Германией. Катастрофические размеры искусственная маргинализация приобрела в эпоху сталинизма. Члены семей врагов народа, спецпереселенцы, лишенцы и др. – все это значительная часть советского общества, искусственно ограничиваемая в социальных и политических правах, дискриминируемая и эксплуатируемая властью. В данном случае маргиналы приобретают черты социально устойчивой группы.

Современный Кыргызстан представляет идеальную среду для вышеозначенной тенденции. Более того, пропаганда, в том числе в СМИ, зачастую направлена на фактическое поддержание приоритеты именно маргинальных черт общества. В итоге мы имеем все основные источники маргинализации и ее типов, а именно:

- биомаргиналы – те, чье здоровье перестает быть предметом заботы социума; (оставим в покое сумасшедших и хронических социальных больных – алкоголиков и наркоманов – они есть везде и у нас эти люди просто чуть менее заметны на общем фоне)
- религиозные маргиналы – люди, стоящие вне конфессий или не решающиеся сделать выбор между ними;

Для определения же конкретной принадлежности необходима базовая конфессия (т.е. религиозная концепция, разделяемая большинством). На сегодняшний день в КР ее нет и не может быть. Да, большинство населения Кыргызстана обозначает себя мусульманами, при этом реализация культа сильно пронизана как доисламскими и неисламскими элементами, так и происламскими с арабскими корнями. Данная ситуация нашла свое отражение и в академической среде.

Так, диссертационное исследование Балашевой И.Г. «Реликты архаических культов в современных религиозных движениях Кыргызстана» посвящено архаичным культам в исламской среде. Проводимый в настоящее время автором анализ позволяет утверждать

наличие в отечественной бытовой культуре огромного количества пережитков ушедших в историю цивилизаций, причем сохранившиеся атавизмы частенько позиционируются носителями как элементы сопричастности к некоей этнокультуре, существование которой в реальности (в историческом ключе) весьма условно. Более эпатажные авторы просто вводят понятие народного ислама, чтобы хоть как то обосновать создавшуюся ситуацию. Духовное управление мусульман Кыргызстана, претендуя на роль организатора исламо-ориентированной части общества, запуталось даже в перечне экстремистских и неэкстремистских организаций исламского толка. А абсолютное большинство носителей элементарно неграмотны, в силу чего конструктивно влиять на ситуацию не могут. Мы оставляем на совести конкретных чиновников заявления о том, что Кыргызстан – мусульманское государство (что является противоречием Конституции КР) – наверняка они просто ее не читали, мы готовы проигнорировать незаконное привлечение религиозных лидеров в предвыборной агитации в ходе избирательной кампании 2017 г. – чего только не бывает на выборах! Но когда, решая вопрос о захоронении мумии 4-5 веков. Надо сказать, ситуация сама по себе абсурдна в силу значимости мумии как исторического объекта. Тем более, что аналогов такого артефакта в Центральной Азии просто нет. Министр культуры задается вопросом: «по какому обряду проводить захоронение, была ли женщина, о мумии которой идет речь, мусульманкой?», значит, он не в курсе, когда появляются каноны ислама, и даже не знает, в каком веке жил Пророк. Либо министр элементарно не учился в школе (историю Древнего мира проходят в 5-7 классах и мумия здесь предстает в качестве примера). Что же говорить о простых дехканах, не претендующих, в отличие от министра, на статус ученого мужа.

Остальные же религиозные течения представлены в КР достаточно скромным количеством апологетов и в данном контексте мы позволим себе их роль проигнорировать

- этномаргиналы – это люди, сформированные миграциями в чужую среду или выросшие в результате смешанных браков;

За годы советской власти шла постоянная популяризация интернациональных браков (причина понятна – размытие этнической принадлежности позволяла активно создавать политическую нацию – советский народ). И в этой связи Кыргызстан – не исключение. Но в нашем случае на ситуацию накладываются следующие факторы

- 1) Большая часть населения исторически – потомки кочевников, т.е. эмоциональная привязка к территории, являющаяся основой элементарного патриотизма, характерна только для последних поколений, при этом для половины носителей ассоциирована с СССР и сегодня выглядит архаично. Вторая половина – молодежь, родившаяся после 1991 г., ее информированность складывается из абсолютно тенденциозных источников.

- 2) Абсолютное большинство остальных этнических групп переселились на территорию КР в относительно недавнем прошлом. В условиях доминанты массовой внутренней миграции из регионов (монокультурная среда с определенными этноориентированными установками) в столицу (полиэтническая среда) формируется набор взглядов о случайности (эпизодичности) пребывания большинства этносов в КР, и что более печально – на фоне массовой миграции культивируется идея о необходимости выезда представителей «нетитульной» культуры как чужеродных элементов. Плохо то, что и недавно появившиеся в столице (см. следующий пункт) субъекты являются вирусом маргинальности и собственно коренные жители столицы в ситуации численного меньшинства воспринимаются большинством не как создатели ценностей столичной культуры, а как некий альтернативный элемент.

- 3) Ссоциомаргиналы – это группы, находящиеся в процессе незавершенного социального перемещения;

В условиях Кыргызстана расширению этой группы способствует все. Экономическая нестабильность с провоцируемым государством снижением экономической активности (высокое налогообложение, бюрократический произвол,

отсутствие социально-привлекательной модели имиджа состоятельности и даже фактическая пропаганда бедности на фоне отсутствия стабильно существующих социальных ролей) приводит к усредненности экономических амбиций в пользу потребительского отношения к материальной среде.

Имидж всеобщей бедности – именно имидж – формирует позицию о «бедном народе», т.е., если ты не беден, ты не народ, выводит в ранг контркультурных одиночек всех активных (следовательно, обеспеченных) граждан. Социальный лифтинг ассоциируется у большинства людей с карьерно-накопительными установками, т.е., личная позиция зачастую провоцирует регулярность смены социального статуса. Невозможность получения материальных доходов, адекватных объективно качественному образу жизни формирует посыл участия в различных ролях экономического пространства, т.е. ежедневное многократное изменение социальной роли субъекта, что активно противодействует реальной стратификации социального пространства.

Все вышеперечисленное можно воспринимать как некий числитель дроби, в знаменателе которой – внутренняя массовая миграция. Массовый переезд населения в столицу вызвал к жизни разбалансировку социально-экономического пространства. Прикладные и профессиональные навыки мигрантов-фермеров в недавнем прошлом не востребованы в урбанистической среде (за исключением роли обслуживающего персонала, субъективно воспринимаемой как не соответствующий порогу амбиций и пожеланий мигранта) это порождает массовую безработицу, тунеядство, и, как следствие, преступность. Благо дело – разница между криминальной и маргинальной ментальностью ничтожно мала. Близка к вышеозначенной категория экономические маргиналы – это, например, пресловутые "новые бедные";- люди, по иным причинам не адаптированные к современным условиям. Среди них многие – в силу возраста не способны приспособиться к постсоветскому пространству:

- возрастные маргиналы – группы людей, формирующиеся при разрыве связи между поколениями;
- политические маргиналы – те, кого не устраивают легальные возможности и легитимные правила общественно-политической борьбы;

Наконец, типично кыргызстанская категория. Многочисленные политические коллизии и цветные революции с характерным для них внеэкономическим переделом собственности удачно ложатся на невозможность (скорее нежелание) большого количества населения к экономической адаптации. Подогреваемая авантюристами информационная среда, базирующаяся на идеях исторического реваншизма, провоцирует рост агрессии в обществе. Слабость государственных институтов (особенно в судебной и исполнительной ветвях власти) и массовая психология (можно говорить об «эффекте толпы») порождает ощущение безнаказанности, а непонимание механизмов легального обогащения формирует у известного большинства лояльное отношение к рейдерству.

Таким образом, сегодняшний Кыргызстан – просто «теплица» для маргиналов. В этих условиях мы согласны с точкой зрения о формировании традиций маргинальности.

Различают несколько традиции маргинальности[2].

Первая, культурная маргинальность - в ее основе - взаимодействие двух ценностно-нормативных систем культур, которые нередко конфликтуют между собой. В результате у индивида возникает неадаптированность, неопределенность статуса и роли, двусмысленность ситуации.

Вторая, маргинальность социальной роли - возникает: в случае неудачной попытки вхождения в состав положительной референтной группы; членство в группах, определяемых как маргинальные (некоторые профессиональные группы, например, целители) пребывания в роли, которая находится между двумя смежными ролями, социальные группы, которые функционируют за пределами социальной организации (например, цыгане, бездомные и т. д.).

Главным и мощнейшим средством борьбы с тормозящей поступательное развитие общества и государства маргинализацией видится пропаганда альтернативных ценностей в купе со здоровой критикой тех черт, которые обозначены в качестве маркеров маргинальности. Непреходящую роль в этом играют СМИ. Но как нам кажется, они зачастую играют роль диаметрально противоположную. Еще дальше пошла ситуация с рефлексией общества на констатируемый процесс маргинализации. Некоторые апологеты номадизма многие культурные достижения урбанистической среды объявляют несвойственными отечественному социуму, а иногда и просто вредными для последнего. Такие информационные средства как Гезиттер, Азаттык и др. частенько представляют свои площадки для массового распространения подобных идей, облакаемых в привлекательную для обывателя оболочку. Тем самым дополнительно стимулируя маргинальность.

Думается, что более продуманная ценностно-ориентированная пропаганда направленная на формирование социально привлекательного имиджа адекватно функционирующего гражданина – на сегодня просто необходимая деталь для отечественной идеологической парадигмы.

Совершенно очевиден в этой связи отказ от искусственно формируемого пакета псевдо-этических ценностей и ориентаций, буквально призывающего потенциального гражданина сменить государствообразующую модель поведения в пользу вульгарно понимаемой, устаревшей модели как религиозного, так и цивилизационного поля.

Литература:

1. Алибек Тусупбеков, директор Центральноазиатского института по развитию Эксперт: Кыргызстан в ЕАЭС. Первые итоги евразийской интеграции // URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/alibek-tusupbekov-kyrgyzstan-v-eaes-pervye-itogi-evraziyskoy-integratsii/>. 30.05.2018
2. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) //Социологические исследования . 1999. №7. С.62-71.

Бердаков Д.М.

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ СОПРЯЖЕНИЯ: ЕАЭС И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

ЕАЭС достиг такого уровня, когда он консолидировано и осмысленно может принимать решения о выработке внешней торгово-экономической политики. Речь идет о создании зон свободной торговли и специальных комиссий, которые могли бы облегчить взаимодействие бизнеса в тех или иных странах.

Сейчас в Китае прорабатывается вариант совместной работы и сотрудничества – проект «Экономический пояс Шелкового пути». Первым ключевым пунктом, здесь, является понимание того, что это не будет зона свободной торговли. Ранее были такие высказывания и предположения. На мой взгляд, это бы обесценило создание всего Евразийского экономического союза, потому что зона свободной торговли (ЗСТ) с Китаем убивает любую другую зону свободной торговли.

Во-вторых, с Китаем будут создавать не ЗСТ, а скорее рабочие группы, которые: а) будут облегчать взаимодействие бизнеса в плане юридических документов; б) будут

создавать площадки для обсуждения; в) будет обсуждаться освоение средств, которые готов выделять Китай на инфраструктурное развитие «Экономического пояса Шелкового пути» в рамках ЕАЭС.

Предполагается также, что будет создан фонд в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», средства которого страны ЕАЭС смогут осваивать, подавая заявки. Он будет работать на развитие инфраструктуры и каких-то других важных проектов.

Третий пункт. Есть инициатива создать некий аналог «Алибабы» для оптовых покупателей. Китай готов выводить электронную торговлю на новый уровень. Это предложение тесно сопрягается с тем, о чем сегодня широко обсуждается в Российской Федерации, Кыргызстане и других странах ЕАЭС – цифровизации всей экономики, что облегчает и ускоряет ведение бизнеса на всех его этапах.

К сожалению, уровень развития экономики Кыргызстана пока не позволяет нашей стране участвовать в масштабных проектах «Экономический пояс Шелкового пути» на уровне России или Казахстана, которые прорабатывают сейчас более ста таких проектов. Поэтому проект Шелкового пути для Кыргызстана пока не очень открыт. У нас есть ряд небольших, но интересных предложений, например, сборка тракторов, производство цемента, производство посуды, которые носят вполне реальный характер.

Однако, мощных прорывных проектов, пока нет. Тем не менее, Китай является крупнейшим кредитором и грантодателем для развития инфраструктуры Кыргызстана. Всего наш великий сосед предоставил Кыргызстану кредитов на сумму почти \$2 млрд долларов США. Из них около \$300-400 млн. были выделены в качестве грантов за последние 5-7 лет. Представляет ли это опасность для независимости нашей страны или ее экономики? Я бы не сказал, что сильно. Уровень Китая и Кыргызстана абсолютно разный. Для Кыргызстана это большие деньги, а для Китая – капля в море. Для Китая важен сам факт сотрудничества, хотя я понимаю, что это дискуссионный вопрос.

Неоспоримым фактом, является то, что Кыргызстан как страна, напрямую граничащая с Китаем, обладает огромным потенциалом для торговли между ЕАЭС и Китаем. Хотя он также используется далеко не в полной мере.

Разговоры ведутся давно, но конкретных предложений не так много. Китаю некуда продавать свои товары, начиная от промышленных – цемента, стали, стекла – и заканчивая бытовыми товарами и электроникой. Они пытаются создавать внутренний рынок, но не хватает покупательского спроса. Есть понимание того, что ЕАЭС – это удобная площадка, так как там пять стран, а таможенная граница одна. Товары будут лучше циркулировать внутри Союза, а значит – больше продаваться. Китаю это так выгодно, что он даже готов на инвестиции в инфраструктуру, например, коридор из Западного Китая в Европу, хотя бы Восточную ее часть.

О каком-то технологическом сотрудничестве честно говоря, пока речь не идет. Страны ЕАЭС конкурируют между собой в продаже углеводородных ресурсов, леса, металлов. Россия сейчас активно вместе с Казахстаном поставляет сельхозпродукцию в Китай. Для них это огромный растущий рынок.

В этом плане перспективно работать и кыргызским сельхозпроизводителям, потому что Кыргызстан – единственная страна из ЕАЭС, получившая «зеленый коридор», то есть соглашение, в рамках которого Кыргызстан может экспортировать продукцию сельского хозяйства. Пока это еще не доработано до конца, но мы получили уникальную возможность. В свою очередь, «зеленый коридор» может способствовать тому, что, в ближайшее время крупнейшие российские агрохолдинги будут работать через Кыргызстан на огромный китайский рынок.

Таким образом, взаимоотношения между ЕАЭС и Шелковым путем, на мой взгляд, можно оценивать скорее положительно, чем отрицательно. Поскольку грамотное экономическое сопряжение всегда выгодно. Здесь проблема в самом ЕАЭС, который не всегда ясно позиционирует свою точку зрения – по какому пути он собирается идти

дальше. Кроме того, пока не будет технологически развитого ЕАЭС, пока у него не будет единых интеграционных производственных, научных и информационных цепочек, взаимоотношения между ЕАЭС и Шелковым путем будут напоминать продажу ресурсов с одной стороны и покупку товаров массового потребления с другой. Это сотрудничество в ближайшей перспективе, как я уже сказал, может стать обоюдовыгодным, в рамках сельскохозяйственного производства. Но пока ЕАЭС торгует в основном ресурсами и остатками советского технологического наследия, но этого явно не достаточно. Поэтому темпы и формы сотрудничества необходимо расширять и интенсифицировать.

Стамова Р. Д.

БИЛИНГВИЗМ: ОТ ИСТОКОВ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Интерес к проблеме двуязычия, особенно, в современных условиях, закономерен и социально обусловлен. Билингвизм, являясь, по своей сути, прогрессивным явлением, содействует развитию и совершенствованию производительных сил общества, подъему уровня производства и интенсификации обмена продуктами материальной и духовной культуры, что весьма актуально в условиях Евразийского экономического союза.

Билингвизм, в сущности, не представляет собой исключительного явления, хотя долгое время было «принято, в том числе и среди лингвистов, рассматривать одноязычие как правило, а многоязычие – как нечто исключительное» [2, 26.].

Исследованием языковых контактов и сопровождающих эти контакты явлений ещё в XIX веке занимались Г.Грюнбаум, Э.Виндиш, Г.Шухардт и другие крупные учёные. Новая волна интереса учёных к билингвизму относится к шестидесятым годам XX века, что связано с изменившимися условиями общественного функционирования языков, когда проблема двуязычия стала наиболее актуальна, поскольку благодаря активному развитию науки, техники, искусства, распаду колониальных систем и образованию множества новых государств всё большее число народов стало вовлекаться в международную жизнь. Для международного общения, естественно, всё более необходимым стало владение не только своим родным языком, но и каким-либо из наиболее распространённых. Но, как известно, впервые необходимость в международных языках назрела ещё в XVIII веке, когда на первый план выдвигаются литературные языки передовых стран. Правда, сформировавшееся тогда двуязычие в общественном и культурном отношении было весьма ограниченным, поскольку билингвами в основной своей массе были лишь представители высших сословий и узкий круг интеллигенции, а, как известно, «двуязычие как социальная проблема раскрывается в полном объёме тогда, когда охватывает значительную часть населения, а не отдельных индивидов» [4, 191]. Поэтому потребность в языках международного общения особенно остро проявилась во второй половине XX века, когда все указанные процессы стали массовыми.

Сегодня же стал вполне очевидным тот факт, что билингвизм был характерен для многих языковых ситуаций на протяжении веков и, кроме того, является типичным признаком многих нынешних языковых сообществ, имея тенденцию к расширению. Следовательно, для человечества это вполне закономерный факт. В многоязычных государствах широко распространён миф о тесной связи между языковым плюрализмом и сепаратистскими тенденциями. Однако важно подчеркнуть, что к дезинтеграции ведет не само многоязычие, а спекуляции на факторе этнической самобытности, увязанной с языковыми различиями. В некоторых странах миф о сепаратистской сущности многоязычия использовался как повод к репрессиям против носителей языков малых этнических групп. Таким же мифом является представление о том, что единый язык может служить консолидирующим фактором. На самом деле общность языка как таковая

не ведет к объединению, если в соответствующих этнических группах не действуют также иные факторы - социальные, экономические, - побуждающие к интеграции.

Осмысление языка как самостоятельного объекта исследования в философии имеет давнюю традицию. Можно говорить о том, что сложную природу языка, который "навязывает" человеку определенные представления о мире и создает образ кажущейся простоты и прозрачности своего существования, впервые отметил и сделал явными в своих диалогах Сократ, обративший внимание на то, что изреченная и написанная мысль - не одно и то же. Непосредственность же общения, "беседа глаза в глаза" в деле совместного достижения истины диктует нравственную окрашенность диалога: недопустимо лгать, глядя в глаза тому, вместе с кем ты философствуешь, мыслишь, т.е. "раскрываешь разум и сердце навстречу друг другу". Отсюда резко негативное отношение Сократа к письму, которое, с его точки зрения, отдаляет людей друг от друга, опосредуя их контакт текстом, разводя мыслителей (да и вообще людей) во времени. Письмо безлично, и потому оно не несет на себе нравственной нагрузки. Общаясь не непосредственно, а при помощи написанных текстов, человек утрачивает власть над ситуацией и другим человеком: он может солгать, ввести в заблуждение. Его уже нельзя будет уличить, и он ни за что не отвечает. Вот почему Сократ так резко выступал против письма и грамотности.

Однако при сакрализации письма размышления Сократа надолго ушли на второй план. Э. Геллнер [3, 39] справедливо полагает, что письменность стала существенным фактором социальной дифференциации: владение словом не устным, а письменным дало возможность овладеть новым объектом собственности - информацией. Власть над языком, заключенным в написанный текст, в законодательное установление оборачивалась абсолютной властью над людьми. Письменно зафиксированное слово нельзя было перетолковать по-своему, его нельзя было интерпретировать как хочешь, исходя из личного опыта и собственных предпочтений. Написанное слово рождало не только дифференциацию общества, его распадение на "тех, кто знает" и на тех, кто не владеет информацией, но и унификацию способов обработки и применения информации, унификацию смыслов и толкований, что рождало власть над людьми при помощи Закона. Значение письменной фиксации языка было так велико, что Г. Геллнер предлагает ввести новую типологию цивилизаций: дописьменные, письменные, постписьменные [3, 38]. Язык, таким образом, трактовался прежде всего либо как средство коммуникации, средство мышления и познания мира, либо как Закон, обеспечивающий оформление социального хаоса.

Новое понимание языка как средства интроспекции предложил Рене Декарт, изучающий возможность процесса познания и факторы, его обуславливающие. Специфика и сущность мышления, объективирующегося при помощи законов формальной логики, отразилась и на понимании языка, который трактовался прежде всего как когнитивная структура, инструмент философского познания мира. Отсюда требование, впервые прозвучавшее в историко-философском контексте: чтобы избежать ошибок мышления, необходимо избегать ошибок в языке. Язык должен быть строг, для этого необходимо не только соблюдать законы рациональности, но и правила формальной логики.

Проблема строгости и чистоты языка возникла в западноевропейской культурной традиции еще в эпоху Возрождения, когда встал вопрос о "золотой латыни". Возврат к истокам европейской цивилизации (к Античности) понимался прежде всего как возврат к строгим языковым канонам Античного времени, с которыми связывались не только эстетические нормы античной поэтики, но и совершенство человеческого существования в период Античной цивилизации. Характерно, что достижения средневековой риторики и схоластики, много значившие для развития теории аргументации, почти не учитывались или характеризовались как отрицательные. Язык средневековых споров, объективирующийся в форме сложнейших компендиумов и сумм, казался философам

Возрождения излишне сухим и усложненным. Стил философствования, утвердившийся в эту эпоху, эмоционально и личностно окрашен. Требование "чистоты золотой латыни", когда латинский язык стал общекультурным эталоном, привело к тому, что философские тексты писались как художественные произведения. Язык метафизики обрел излишнюю человечность, что позволило следующему поколению философов рассмотреть значение языка как чрезвычайно значимого фактора для эволюции человека, общества и культуры. Именно с этого времени, с работ Дж.Вико, В.Гумбольдта, И.Гердера началось пристальное и всестороннее изучение языка в рамках философских исследований. Апофеоз же интереса к языку пришелся на вторую половину XX века. Хотя можно сказать, что вся философия XX века пыталась осмыслить сущность языка, его роль, функции и структуры. При этом проблемы, связанные с исследованием языка сопрягались с обогащением методической и методологической базы. Становление сравнительно-исторического метода в языкознании, кросс-культурного анализа, осмысление результатов многочисленных этнографических экспедиций, бурное развитие психологии, социологии, антропологии (во всех ее ипостасях) дали толчок для развития философских исследований языка. Язык рассматривался и рассматривается как средство коммуникации, как деятельность, как семантическая структура, как средство познания, средство манипулирования и т.д.

Несмотря на свою древнюю историю и широкую распространённость, двуязычие было и продолжает оставаться явлением в определённом смысле феноменальным. Во многом именно благодаря ему развилась человеческая цивилизация. Билингвизм – феномен культуры, а культура, как и язык, явление общественное, то есть социальное.

Проблемы, связанные с многоязычием в обществе, восходят в глубь веков. В силу целого ряда причин во многих регионах нашей планеты исторически складывалась многоязычная среда. Достаточно вспомнить жизнь людей в Великих империях (Римской, Византийской, Османской и т.д.). Вершиной многоязычия, видимо, останется Советский Союз. В лингвистической политике «доперестроечного» периода в отношении к языкам народов, проживавших на территории бывшего Советского Союза, а позднее СНГ, долгое время преобладала тенденция к подчеркиванию символических аспектов в ущерб коммуникативным.

Обостренное и нередко гипертрофированное внимание к символической стороне языка как в бывших республиках, интерпретируемое в политической полемике как возрождение этнического самосознания народов, языки и культура которых ранее выполняли ограниченную функцию, можно рассматривать в качестве реакции на глобализирующие тенденции. То есть на смену традиционному взгляду на язык как символ национального тождества приходят новые подходы, в соответствии с которыми язык рассматривается как экономическая сущность. «Овеществление» языков оказывает влияние как на мотивацию людей, так и выбор того или иного языка для изучения. Кроме того, оно непосредственным образом воздействует на приоритеты финансирования языкового образования на уровне общественных институтов – как государственных, так и частных [5, 5].

Почти все крупнейшие страны мира относятся сегодня к многонациональным сообществам, и это накладывает отпечаток на языковую политику и языковое планирование.

Народы и этносы не могут развиваться изолированно, а многообразие языков и их тесное соседство просто не оставляют иного выбора человеку, как изучать иностранные языки. Изучение других языков позволяет не только наладить коммуникацию и информационный и экономический обмен, но и также обогатить культуру собственного народа за счет привнесения в нее частички культуры народа изучаемого языка. Такой культурный и языковой обмен существовал во все времена, и сегодня он приобретает новую окраску на фоне глобализации мирового сообщества, в условиях Евразийского экономического союза.

Глобализация оказывает двойственное влияние на отдельные нации. С одной стороны, между народами стираются различные барьеры - в том числе языковой - которые ограничивают взаимопроникновение и смешение культур и наций между собой. Рамки позволяли каждому этносу сохранять свою идентичность и уникальность, создавая великое множество различных культур и народностей на земном шаре, теперь же происходит постоянный культурный обмен, культуры разных этносов распространяются по всему миру. Однако происходит и навязывание культуры одного народа другому. В связи с этим можно говорить об обратной стороне глобализации - всплеск интереса людей к своему происхождению, своим корням. Становится престижным знать историю, культуру своего народа, и сохранять их, передавая следующим поколениям, чтобы не допустить исчезновения этноса.

XXI век ознаменовал собой новый этап развития современного общества. Известно, что все социально-экономические изменения последних лет неразрывно связаны с бурным ростом информационно - коммуникативных технологий, с новыми подходами к представлению информации в обществе. Эти информационные процессы и системы вызывают сдвиг в профессионально-функциональной дифференциации языков, оказывают существенное влияние на языковую ситуацию в целом. Актуально существующее открытое информационно-коммуникативное пространство создает предпосылки и условия для развития социального двуязычия или билингвизма.

Билингвизм в его наиболее полном состоянии и законченном виде означает функционирование сознания, как индивида, так и массы, овладевшей двумя языками, без особых затруднений в двух смысловых и духовных пространствах, которые образуются благодаря существованию и функционированию двух языков. Соответственно, образуется и своеобразное ценностное пространство, представляющее собой синтетическое соединение двух полупространств. Собственные, исконные ценности социума, составляя историческую и культурную основу, как правило, преобладают во вновь образованном ценностном пространстве. Однако, как показывает практика, с вовлечением в исконное ценное пространство инородных ценностей, которые вторгаются в него вместе с другим языком, возникает тенденция, которая проявляется в том, что все активней изменяется ценностное восприятие, а с ним и сознание.

Язык и сознание связаны друг с другом напрямую: сознание не существует вне и без языка. Через язык формируется способ, образ, модель мышления, а с ним, естественно, и поведения у каждого из носителей того или иного языка, из чего следует, что язык приводит всех своих носителей к единому стандарту мышления и поведения. Носители одного и того же языка, используя один и тот же набор слов и понятий, одни и те же грамматические конструкции, систему лексических связей, мыслят в пределах одинаковых стандартных схем. Разные языки, сообразно своим особенностям, задают разные способы мировосприятия, различные модусы мировоззрения и, следовательно, различные картины мира [7, 153], а это в свою очередь означает, что разные языки задают и формируют различные формы, типы и структуры мышления. Структурно и схематически определяя, программируя и кодируя *форму* мышления, язык таким образом создает и формирует *тип* мышления, а вместе с типом мышления – и систему поведения носителя языка [7, 158].

Следует учитывать тот факт, что опыт каждого народа обладает определенной спецификой независимо от того, на каком языке он накапливает и обобщает этот опыт. Таким образом, в дихотомической системе «опыт – язык» оба компонента не только находятся в тесной взаимосвязи, но и, обладая каждый собственной спецификой, усиливают общую специфику носителей языка в результате взаимного наложения.

Известный специалист А.Р. Лурия указывает на то, что, усваивая значения слов, мы «усваиваем общечеловеческий опыт, отражая объективный мир с различной полнотой и глубиной. “Значение” есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную

обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определенный набор связей» [6, 53].

Безусловно, общечеловеческий опыт как факт, как таковой существует, но не существует одинакового восприятия данного опыта, и не существует единого для всего человечества языка, который позволил бы, усваивая значения слов, усваивать вместе с ним общечеловеческий опыт. То есть, благодаря тому, что посредством языка осуществляется специфическая форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций, реализуется преемственность различных поколений и исторических эпох, утрата своего языка той или иной общностью на деле может привести к утрате определенных элементов социального опыта, культурных норм и традиций этой общности и прерыванию преемственности различных поколений и исторических эпох. Именно по этой причине подавляющее большинство этносов очень болезненно относится к утрате собственного языка, который во многом напоминает духовную смерть народа. Как показывает конкретный опыт многих народов, потерявших либо теряющих в настоящее время собственный язык, почти всегда первоначальным этапом потери языка был массовый переход к состоянию двуязычия.

На первый взгляд, тот, кто владеет двумя и более языками, так же как и народы, обладающие знанием двух и более языков, объективно находятся в более выгодном положении, чем народы, знающий один лишь язык, подобно тому, как человек, обладающий большими и более качественными знаниями, находится в более в выгодном положении и имеет большую ценность, по крайней мере в чисто техническом и профессиональном плане, по сравнению с человеком, имеющим меньшие по объему и качеству знания. В определенном отношении так оно и есть. Однако с учетом реальных исторических процессов, фактов, когда целые народы теряют свои исконные языки, такое преимущество приобретает несколько сомнительный характер, поскольку предполагает наличие вполне реальной перспективы утраты собственного языка. С утратой языка и обретением нового происходит кардинальное изменение сознания, которое может, как мы выяснили ранее, существовать только в определенном смысловом пространстве, которое в свою очередь может быть выстроено и организовано только с помощью языка.

На роль единого языка международного общения может быть выдвинут любой язык, но это не значит, что на такую роль могут претендовать все языки, так как наряду с созданием равных социальных условий для развития языков и свободой в выборе языка учитывается принцип целесообразности, отвечающий общему направлению развития мирового сообщества. Вследствие расширения непосредственного общения происходит выделение языка межнационального общения и развитие на его базе основной формы билингвизма. Этот процесс, вызванный потребностями жизни современного общества, выступает как одна из закономерностей развития информационной цивилизации.

Расширение экономических, политических, социальных и культурных связей ведет к тому, что, возникнув из потребности коммуникации, билингвизм сам выступает активным фактором и могучим средством объединения народов. Активная роль билингвизма заключается в том, что он способствует непосредственному общению, а значит и развитию взаимопонимания и сотрудничества различных наций.

Социальная сущность билингвизма заключается в том, что на современном этапе развития информационного общества он представляет собой глобальный социальный процесс, включающий в себя всю проблематику информационно-коммуникативного обмена и охватывающий всю гамму социальных отношений.

Основной причиной появления билингвизма являются социальные факторы, поэтому усиление экономических и культурных контактов между государствами приводит к росту количества двуязычных (или полиязычных) их членов. Далеко не случайно последние десятилетия характеризуются беспрецедентным возрастанием интереса к изучению иностранных языков. Владение, как минимум, одним языком помимо родного становится залогом получения перспективной работы, продвижения по

служебной лестнице, успешного экономического и политического сотрудничества и, наконец, но не в последнюю очередь, обычного человеческого общения и взаимопонимания.

Таким образом, билингвизм является многогранным феноменом человеческой коммуникации и цивилизации, а иностранный язык помимо передачи иной материальной культуры, несёт с собой также культуру духовную, в том числе и этическую, создавая особые ситуации общения, приобщая к мировым эстетическим и этическим идеалам и ценностям. Овладение хотя бы одним из общепризнанных языков международного общения справедливо считается важнейшим фактором культурного развития.

Литература:

1. Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980.
2. Вайнрайх У. Однойзычие и многоязычие. // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
4. Дарбеева А.А. Двужычие в изолированных языках и диалектах // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1972.
5. Block D., Cameron D. Globalization and Language Teaching. London: Routledge, 2002. P. 5.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание // А.Р.Лурия / Под редакцией Е.Д. Хомской. М., 1979.
7. Языки как образ мира [Текст]. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб., 2003.

Коростелева О. Т., Попов Е.А.

СОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Формирование компетенций социолога в вузе предполагает привитие социологического знания, в результате которого будущий профессионал должен обладать социальным мышлением, позволяющим ему давать адекватные оценки возникающим в социуме проблемам, определять тенденции развития общественных отношений. По этой причине будущему социологу крайне необходимо погружение не только в пространство социологии, но и в круг дисциплин, определяющих грани взаимодействия человека, общества и культуры. К таким дисциплинам, в частности, следует отнести антропологию.

Для решения сложных проблем современному профессионалу в области социологии предстоит ориентироваться на изучение не только собственно проблем общества, но и человека также. Конечно, по сложившейся традиции социология определяется именно как наука об обществе, хотя за последнее время произошли определенные подвижки в этом вопросе, и сегодня нужно иметь в виду важность и ценность повышенного внимания социологической науки к личности. Как отмечает В.И. Добренко, «изменения, которые претерпела социология, имеют многоплановый характер: изменились самопонимание социологии, ее место среди других социальных и гуманитарных наук; изменилась социологическая картина мира и базисные теоретические основания; изменились приоритеты и интересы социального познания; сформировались новые методологические подходы и школы» [3, 21]. Изменения коснулись и расстановки

сил социологов в познании человека, выявлении его роли в общественном развитии. Существующим в научном дискурсе довольно критическим отзывам о том, что социология не всегда способна заметить человека в море кипящих социальных страстей, тем не менее, протипоставлены и иные суждения исследователей. Не вдаваясь в тонкости дискуссии по этому поводу, отметим вместе с тем, например, постановку вопроса относительно того, «нужна ли социологии жизни живая личность» и существующее мнение о том, что социология осмысливает мир «от имени не конкретных личностей, а социальных институтов» [2, 7-8]. Отчасти вторит этому и В.Е. Кемеров: «В социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях» [4, 15]. С другой стороны, социология должна оставаться верной своему главному объекту исследования – обществу, а значит, укрепить свои позиции в интерпретации всего социального. Но в любом случае важным представляется и то, что социология может занять «золотую середину» и совершить свой собственный антропологический поворот. Особенно важно на это обратить внимание будущих социологов, чтобы у них не сложилось впечатления о тотальной социальной в окружающем мире и доминировании исключительно социальных смыслов в бытии человека.

Для того чтобы в полной мере дать оценку роли антропологического знания в подготовке социологов, следует иметь в виду несколько следующих обстоятельств:

1) антропология служит своего рода посредником между социологией и другими науками социогуманитарного цикла, тяготеющими к исследованию проблем, как общества, так и человека;

2) антропология способствует привитию социологии, при котором происходит не просто постижение конкретных знаний, но и формирование умений для их широкого применения на практике. Из этого следует, что на антропологию можно возлагать задачу по концентрации внимания будущих социологов на проблемах, волнующих человека в его взаимодействии с обществом и культурой;

3) антропология как комплексное учение о человеке ориентирует будущих социологов на рассмотрение человека как целостного универсального субъекта («микрокосма», «модели мира»), как космопсихобиосоциального существа, реализующего все стороны своего бытия и се грани своей экзистенции в их неразрывном единстве и взаимосвязи. Такая установка способствует преодолению абстрактного социологизма, сведения целостного человеческого бытия к его статусно-ролевой модели, которую Р. Дарендорф очень точно назвал *homosociologicus*.

Опыт Алтайского госуниверситета свидетельствует о безусловной значимости преподавания курсов антропологического профиля для будущих профессионалов в области социологии. В учебных планах вуза прочно закрепились сразу три учебных дисциплины данной направленности: у бакалавров – это антропология и социальная антропология, у магистров, обучающихся по направлению «социология права», – юридическая антропология. Интересно, что эти дисциплины относятся к разным блокам образовательного стандарта: антропология – это общеобразовательная дисциплина, включенная в учебные планы всех групп студентов факультета социологии (не только социологов, но и будущих социальных работников, конфликтологов, а также организаторов работы с молодежью). Социальная антропология, содержательно выступающая во многом продолжением первого (общеобразовательного) курса, включена уже только в учебные планы студентов-социологов и направлена на формирование профессиональных знаний об архетипах человеческого мышления и поведения, социального действия и взаимодействия, отношения человека к другим людям, о способах гармонизации человеческого бытия в социокультурном контексте.

Что же касается юридической антропологии (социальной антропологии права), то она преподается в магистратуре для студентов, обучающихся по направлению «социология права» и направлена на более глубокое изучение такой грани человеческой

экзистенции как *homojuridicus*. Кроме того, пристальное знакомство с архаичными формами основных юридических отношений (родственное право, земельное право, договорное право) позволяет сравнить их с системой современного позитивного права и провести критический анализ различных правовых систем. Очевидно, что для социолога, который будет исследовать правовые отношения, познания в области юридической антропологии становятся крайне необходимыми и дают ему возможность более профессионально, со знанием дела, изучать правовые феномены не только как нормативные установки, но и как ценностно-смысловые образования, возникающие в результате взаимодействия общества, человека, культуры и государства.

Важным представляется тот факт, что антропологическое знание как будто нарастает по восходящей. Сначала студенты знакомятся с базисными особенностями человеческого бытия, а, например, в рамках юридической антропологии возникает необходимость закрепить понимание высшей ценности человека, что является фундаментальным принципом российской государственности, а также правовым феноменом. Помимо этого темы, рассматриваемые на занятиях по антропологии, интересны социологам и с точки зрения осознания сущности человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности.

Кроме того, нуждается в рефлексии и проблема метафизической идеи человека. Обозначенная в философии как одна из ключевых и являющаяся предметом рассмотрения философской антропологии как самостоятельной отрасли науки, она актуальна в целом для социогуманитарного знания. Правда, как полагает Б.В. Марков, «сегодня философия вошла в новую постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от метафизической идеи человека. Он связан, так или иначе, с...открытиями социологии, которая эффективно объясняет мораль и мировоззрение как надстройки над базисными социальными и экономическими институтами» [5, 38]. По-видимому, именно антропология (или социальная антропология) способна объяснить сущность человека, учитывая все возможные обстоятельства его нахождения в обществе и культуре. И если, к примеру, учитывать факт вхождения многих, если не всех наук в так называемую «постантропологическую эпоху», то все же корпус антропологических дисциплин для будущих социологов обладает потенциалом «возвращения к человеку» не столько в философском ключе, сколько в социокультурном.

Не менее значима ценность антропологии в подготовке социологов в тех случаях, когда велика вероятность такого тесного сближения с философией, при котором возможна некоторая дезориентация социологов. Проявляется данная особенность, в частности, в том, что социологам свойственно погружение в философский контекст, когда они хотят потеоретизировать на предмет человеческого бытия. Подобное положение вещей сами социологи не всегда расценивают положительно, а иногда считают и рискованным для формирования профессионализма социолога, имея в виду широту охвата реальности философом и необходимость сосредоточенного внимания на конкретной социальной проблеме для социолога. Между тем, как отмечают некоторые исследователи, «рождение социологии проходило в муках разрыва с научным дискурсом на основе умозрительно-философского осмысления действительности» [11, 45]. В такой ситуации антропологическое знание отчасти может нивелировать «погрешности» социологов в излишней увлеченности философией. Для этого антропология направляет будущих социологов к измерениям человеческого бытия на основе ценностей и норм, обеспечивающих, прежде всего, индивидуализм человека. В то же время объектом социологии являются также ценности и нормы, но скорее как основа консолидации общества, а философия, кроме того, интерпретирует символы и коды человеческого бытия, соотносимые с теми или иными ценностями и нормами. Как отмечается, «механизм кристаллизации ценностей целесообразно рассматривать на личностном уровне и в масштабах социальной общности» [6, 67]. Такую перспективу, в частности, для социологов открывает антропологическое знание.

Социологу важно уметь не только анализировать социальные явления и процессы, но и дифференцировать общественное и личностное. А поскольку, как, например, полагает Л.Д. Гудков, «в сегодняшней социологии отсутствует то, что М. Вебер выразительно характеризовал как чувство многомерности ситуаций или положений, человеческих мотиваций. Многоплановость смысловых образований сегодня сводится социологами к "общественному", к институтам» [1, 52], приходится решать задачу возвращения от социальных институтов к человеку. Только в этом случае исследователь способен «схватить» многомерность ситуаций. Разумеется, это будет сложно осуществить социологу, если для него по-прежнему останутся загадками символы и коды человеческого бытия. Получается, что социолог, погружаясь в социальную реальность, может пропустить довольно значимые для общества, культуры и человека символы, знаки, так как лишен навыков интерпретации их смысла. Именно поэтому будущему социологу, равно как и уже сложившемуся профессионалу, крайне необходимо иметь познания в области антропологии, которая располагает способами интерпретации или расшифровки скрытых значений. В противном случае исследовательский взгляд на актуальную социальную проблему может оказаться односторонним и, возможно, искажающим социальную реальность. Очевидно, что для устранения такого недостатка обращение к антропологии имеет непреложную ценность в развитии социологии.

Помимо того, что антропология позволяет существенно продвинуться в понимании «многомерности ситуаций» и смыслов человеческого бытия, она открывает перед социологом перспективы исследования богатейшего этнографического материала. А так как в последнее время интерес социологии к изучению проблем этничности довольно заметно возрос, то без знаний антропологии здесь не обойтись.

Как видим, настоящий профессиональный социолог должен быть всесторонне (практически универсально) образованным специалистом в своем деле. «Социология, — пишет по этому поводу О.Ю. Руденко, — формирует широкий кругозор и умение подходить к социальным объектам системно, на межведомственной и междисциплинарной основе, когда учитываются политические, экономические, социальные и культурные факторы, сложная диалектика объективного и субъективного, целенаправленного и стихийного» [7, 325]. При этом активное включение антропологического компонента в контекст социологического образования необходимо как для формирования навыков теоретического конструирования моделей устройства общества и жизни человека в нем, так и для усвоения принципов корректного и нравственного взаимодействия с людьми в ходе проведения эмпирических исследований.

Антропологизация современного образования вообще и социологического образования в частности тесно связано с так называемым антропологическим поворотом в развитии научного знания, «суть которого состоит в том, что во всех гуманитарных исследованиях исходной предпосылкой и горизонтом становится человек как действующий субъект во всей полноте его характеристик» [8, 21]. Между тем в качестве одной из важнейших методологических особенностей современной науки О.Л. Сытых называет тенденцию «при исследовании человека рассматривать его не как случайную частицу мироздания, а как важное звено эволюции Вселенной, задающее само изучение (а иногда и развитие) мира. При этом человек уже рассматривается не только как природное физическое существо (по образному выражению М. Фуко «вещь в мире вещей»), а как существо духовное, обладающее сознанием» [9, 19].

Таким образом, антропологическое знание может быть включено в процесс профессиональной подготовки социологов двумя основными путями: во-первых, через преподавание антропологических дисциплин, благодаря которым студентов ориентируют на рассмотрение любого изучаемого в вузе предмета и процесса в контексте человеческих ценностей, значений и смыслов; во-вторых, посредством своеобразной антропологизации самих социологических дисциплин, предполагающей пристальное внимание к проблемам

социологии личности и социологии культуры, решительное преодоление различных форм абстрактного социологизма.

Литература:

1. Гудков Л.Д. Социология культуры: научно-аналитический обзор тематического номера «Кельнского журнала по социологии и социальной психологии» // Культурология: Дайджест. М., 2012. № 1 (60).
2. Гуцаленко Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социологические исследования. 2003. № 10.
3. Добренков В.И. Ценностно ориентированная социология. Постановка проблемы // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4.
4. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
5. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2.
6. Пржиленский В.И., Огородников А.Ю. Аксиологические основания социального инжиниринга: перспективы модернизации российского общества // Социологические исследования. 2016. № 4.
7. Руденко О.Ю. Современный социолог: кто он? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2014. Вып. 6.
8. Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб, 2006.
9. Сытых О.Л. О некоторых методологических проблемах современной науки // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул, 2016. Вып. 8: в 2 ч. Ч. 1.
10. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Сорокин П.С. Идентичность и профессиональная культура отечественной социологии: опыт библиометрического анализа // Социологические исследования. 2016. № 3.

Бугазов А.Х.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ «ЕВРАЗИЙСКОЙ» МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Начало нашего столетия, характеризуется переходом общества к принципиально новому типу социального устройства, которое должно включать в себя все лучшее, что создано предшествующими формациями. Мир неизбежно трансформируется к духовной и цивилизационной многополярности, что, с точки зрения сторонников теории конвергенции, вписывается в логику социального развития. Однако усиление глобализации, сопряжено с рядом принципиальных проблем – «исторических вывозов», к числу которых можно отнести и вопросы развития и формирования гражданского общества, как на локальном, так и межрегиональном уровне. Поскольку этот процесс идет на фоне межэтнической и как следствие межкультурной коммуникации, общество, точнее его интеллектуальная элита, ведет интенсивный поиск оптимальных для своих стран моделей социального развития. При этом они не должны быть сканированием чужого опыта, а отражением собственных национально-исторических и социокультурных особенностей функционирования гражданских институтов в их взаимодействии с другими сферами общественной жизни.

В этой связи встает вопрос, - какой тип гражданского общества может быть сформирован в Кыргызстане и других постсоветских государствах, расположенных в Евразии.

Если исходить из того, что общество, как утверждали Гегель, а вслед за ним и К.Маркс это система социальных связей и отношений, то гражданское общество, это прежде всего сфера реализации частных интересов отдельных личностей, представляющая собой единство особенного и общего [1, 46, 214]. Многие авторы и сегодня определяют данное образование прежде всего как систему «негосударственных общественных отношений и институтов, выражающих разнообразные интересы, потребности и ценности членов общества и дающих возможность человеку реализовать его гражданские права» [2, 4; 3,34-35]. В соответствии с этим выделяются и функции гражданского общества. Чаще всего речь идет о социализации индивидов, самоорганизации и самоуправлении в сфере частных интересов, социальной солидарности, обеспечение целостности общественного организма, выработка механизмов согласования интересов и урегулирования конфликтов и другие [4, 123-124].

В современной политологии, как известно, сторонники разных социально-политических доктрин высказывают полярные точки зрения на суть специфики гражданского общества. Одни трактуют его как систему рыночных и других форм частной жизни, не контролирующихся (или почти не контролирующихся) государством. Другие объявляют гражданским общество индивидуальной свободы, гарантирующее закрепленные международным сообществом права и свободы человека. Третьи, негативно относятся к разделению и противопоставлению гражданского общества и государства. Полагая, что такой подход затемняет классовый характер государства и власти [5,22]. Четвертые (социал-демократы) склонны видеть в гражданском обществе "участвующую демократию" т.е. парламентскую демократию, выступающую в качестве синонима народовластия[6, 11]. Пятые, по преимуществу неолибералы, отождествляют гражданское общество с "открытым обществом", противоположным тоталитаризму.

Существует даже понятие восточного типа гражданского общества, уходящее своими корнями в конфуцианство. Основное место в нем занимает концепция «жэнь», то есть гуманности, человечности, в соответствии с которой общество структурируется как семья со строгой иерархичностью и разделением обязанностей между его членами.

Как видно в отечественной и зарубежной социально-политической литературе присутствуют различные подходы к пониманию сущности гражданского общества, путей и способов его построения. В целом их можно условно систематизировать в виде трех основных концепций: либерально-рационалистской, консервативно-традиционалистской и общинно-социалистической. Согласно первой, гражданское общество вырастает из экономической свободы, т.е. из свободы частнособственнического накопления и обогащения. Это - в своей основе западноевропейский тип общества, давно уже превратившееся в конгломерат самодостаточных индивидов и их групповых объединений (корпораций, союзов, ассоциаций и т.д.). Согласно второй трактовке, обществу изначально присущи элементы гражданственности, которые утверждаются в социуме в качестве основных на определенных этапах исторического развития. Например, древнегреческая агора, древнерусское вече, общинно-родовой строй в Кыргызстане и т.д.

Наконец, согласно третьему подходу, народовластие, основанное на преобладании общественной собственности на орудия и средства производства, есть подлинное гражданское общество, обеспечивающее индивиду истинную свободу - осознанную необходимость. Такое общество формировалось при Советской власти, но, как полагают его сторонники, процесс был прерван тоталитарными деформациями и их последствиями.

Некоторые исследователи считают, что фактически имеет место только один тип - либерально-демократический, который, в свою очередь, дифференцируется на несколько самостоятельных исторических подтипов. Конкретно, имеется в виду гражданское общество эпохи утверждающегося и зрелого капитализма, парламентской демократии и транснациональных корпораций, гражданское общество постиндустриальной эпохи и глобализации. У каждого из них свои принципы организации и функционирования. Общими признаками здесь являются господство частной собственности в экономике,

дифференциация индивидуальной и общественной свободы, конкуренция как источник развития.

В соответствии с названными позициями многие специалисты предлагают различные модели гражданского общества, которые, по их мнению, наиболее полно соответствуют традициям и современным реалиям Кыргызстана, других постсоветских государств. Правда, прогноз многих исследователей носит неутешительный характер: к утверждению полноценного гражданского общества Кыргызстан, как и другие евразийские постсоветские страны, за годы демократических преобразований еще не подошли, и сказать определенно, когда оно возникнет, никто не может. Обычно, применительно к Кыргызстану, как и России, называют период в 20-30 лет. Однако и через тридцать лет, считают авторы данной позиции, гражданское общество классического типа здесь вряд ли утвердится. Оно будет неполным, фрагментарным и далеким от совершенства.

Напротив, за этот срок при нынешней демографической ситуации и темпах экономического роста в Кыргызстане возрастет отставание от развитых стран и вновь обострится проблема выживания. Самый же простой способ ее решения, т.е. выхода из затянувшегося и углубляющегося кризиса, как показывает исторический опыт, - это переход к мобилизационной системе, которая при долгом функционировании порождает тоталитаризм и не может сосуществовать с гражданским обществом. Как это было в период существования СССР.

Вряд ли здесь все так однозначно, но несомненно, вопрос о формировании и развитии гражданского общества весьма актуален для Кыргызстана. Первоначально, когда Кыргызстан обрел независимость, и в республике начались радикальные преобразования в политической и экономической сферах. Большинство специалистов высказывало мнение, что именно в этот момент в Кыргызстане стали складываться предпосылки и условия для формирования гражданского общества. Поэтому сегодня в республике формируется лишь переходный тип такого общества. Его особенностями являются: привнесение извне элементов новой социальной организации, неравномерность процесса становления его субъектов и институтов, опережающие темпы развития гражданского общества по отношению к государственным структурам [7, 80; 8, 16].

Определенный смысл в таком утверждении, безусловно, есть. Однако неясно: переходным к какому типу устойчивых социальных отношений является гражданское общество, формируемое в Кыргызстане. Судя по содержанию подобных публикаций, предполагается существование только одного типа - либерально-демократического, т.е. западноевропейского. Однако сегодня многие исследователи и политические деятели Центральной Азии, России все настойчивее говорят о возможности принципиально иного типа гражданского общества - евразийского. Исследования в этой области только начинаются и потому дать ответ на вопрос: что представляет собой евразийский тип не только гражданского, но и общества в целом довольно сложно.

Все попытки объяснить его суть, как правило, сводились к анализу национально-исторических и социокультурных особенностей социального развития кыргызского, российского или других евразийских государств. Подобного рода исследования можно найти у русских философов, историков, публицистов еще в конце XIX начале XX веков. В частности, Бердяева Н.А., Данилевского Н.Я., Ильина И.А., Лосского Н.А., Милюкова П.Н., Новгородцев П.И., Франка С.Л. и других. Нельзя сказать, что эти исследования были напрасными или безрезультатными. По крайней мере, мы с уверенностью можем утверждать, что национально-исторические особенности, действительно, представляют собой не только внешнюю форму проявления социальных процессов, но и оказывают существенное влияние на их содержание и направленность. А также констатировать, что в западноевропейском понимании сути политической системы общества не находит отражения то ценное, что накоплено в области гражданских отношений в Кыргызстане, России или других евразийских странах за время их существования несмотря на то, что

здесь живет большая часть человечества. Однако, что касается модели евразийского гражданского общества, то это социокультурное явление по-прежнему остается нераскрытым.

Между тем, представляется, что сегодня вполне определенно можно выделить несколько ее характерных черт. Прежде всего, это особые отношения между государством и обществом. Например, кыргызский исследователь Э.Абилдаев утверждает, что гражданское общество и правовое государство даже «возникают и развиваются одновременно, взаимно дополняя и предполагая, друг друга» [9, 269]. Отметим, правда, что автор все же ставит под сомнение возможность создания гражданского общества с помощью государственных средств.

Под «особыми» отношениями чаще всего имеется в виду роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений. Причем, в той сфере, которая с точки зрения западноевропейского менталитета относится к гражданскому обществу, то есть находящейся вне зоны административного внимания и влияния государства. Например, деятельность творческих союзов, спортивных федераций, средств массовой информации и т.д. В Кыргызстане, как впрочем и в России до сих пор многие люди убеждены, что их эффективная и общественно-значимая деятельность возможна только при участии государственных органов.

Напротив, там, где с точки зрения гражданского общества отношения между людьми, регулируются на основе действующих в нем норм права, значительная часть таких отношений (право на наследство, назначение на должность, распределение функциональных обязанностей среди служащих и т.д.) регулируется при помощи традиций, обычаев, которые иногда противоречат даже действующему законодательству.

Обычно, это объясняется тем, что основой этнической общности многих евразийских народов является родовая община с ее четкой иерархией и неизменными нравственно-правовыми нормами. Поэтому, соглашаясь с тем, что в структуре государственной власти действительно на первый план выходят публичные отношения, а в гражданском обществе - частные. Авторы евразийской модели утверждают, что гражданское общество как раз призвано гармонизировать, а в ряде случаев и уравнивать публичные и частные отношения. Таким образом, считают они, гражданское общество не может не быть демократическим, а правовое государство, призванное взаимодействовать с ним, воспринимает и укрепляет на его основе свой последовательный демократизм.

Другой особенностью евразийской модели гражданского общества является непосредственное участие государственных структур в формировании его структурных элементов. Авторы прямо заявляют, что, например, в современном Кыргызстане или России, есть миллионы граждан, несущих ответственность перед обществом за свои действия. В то же время устойчивого гражданского общества здесь нет, и не будет без создания необходимых предпосылок, даже если число сознательных граждан удвоится или утроится. Следовательно, начинать нужно с формирования соответствующих общественных структур, которые должны вырастать как "снизу", спонтанно, так и создаваться правовым государством, заинтересованным в полноценном гражданском обществе.

Представляется, что в обоих случаях речь идет о том, что в литературе квалифицируется как функция государственного социально-правового контроля, которая призвана способствовать поддержанию целостности и организованности гражданского общества, разрешению противоречий и конфликтов, возникающих в процессе его функционирования. Любое ослабление социально-правового контроля со стороны государства, ведет, по мнению авторов данной концепции, к появлению в обществе деструктивных процессов и разрушению в нем демократических институтов.

Не смотря на обязательную в этом случае оговорку о том, что такого рода «оптимизацию» правового контроля не следует понимать как «усиление» или «ужесточение» деятельности органов власти, а лишь как желание повысить

эффективность и ответственность институтов гражданского общества. Тем не менее, указанные обстоятельства дают основание говорить еще об одной характерной особенности евразийского типа государственности. Это наличие сильной вертикали власти, без которой система государственного управления утрачивает свою эффективность, и заметная роль в построении и функционировании этой системы силовых структур.

Это утверждение, по мнению специалистов, имеет свое историческое обоснование. Образ жизни наших предков, считают они, на просторах Евразии заставлял их постоянно заботиться о самозащите. В результате зачатки гражданских отношений порождали своеобразный тип социального состояния - "народ-войско". Далекое от западноевропейского идеала гражданского общества, оно, тем не менее, было очень близко к догосударственной "военной демократии". Связанное с этим состоянием всеобщее вооружение народа способствовало выработке у него подлинно гражданских качеств: духа патриотизма, готовности к самопожертвованию и т.д.

Может показаться, что такой подход к формированию политической системы в большей степени применим тем историческим типам государств, в которых отсутствовали или отсутствуют традиции парламентского демократизма. Думается это не так, в самой организованности как таковой нет опасности для демократии. Практически везде, где продолжают сохраняться социальные институты, их деятельность основывается на принципах сформулированных М.Фуко в его теории дисциплинарного пространства. В частности, строгое ранжирование и классификация контингента, регламентация времени, программирование осуществляемого процесса, постоянное тестирование и оценивание выполняемой работы и т.д. [10]. В этом смысле трудно найти человека, который так или иначе не оказывался бы в рамках такого дисциплинарного пространства. Словом, нельзя утверждать, что использование методов управления, связанных с централизованным административным контролем и регламентацией должностных функций имеет исключительно негативный характер. Мера использования подобных методов должна определяться их целесообразностью и необходимостью для нормального функционирования всей социальной системы.

Вероятно, в центрально-азиатском регионе, где наряду с другими характерными этническими особенностями являются пассивность, равнодушие, склонность к возвеличиванию и созданию культа личности, где производственная и иные формы дисциплины часто достигаются силовыми методами. Социально-правовой контроль, «дисциплинарное пространство» с его механизмом надзора, систематизации, наказания и поощрения может стать составляющим элементом гражданского общества.

Хотелось бы надеяться, что подобного рода особенности не носят характер фатальной неизбежности, а являются следствием перехода общества, к новому социальному устройству, о котором говорилось раньше.

Евразийский тип гражданского общества, имеет свои и социально-психологические особенности. В этой сфере, он также мало похож на те модели, что уже существуют в индустриально развитых и ориентирующихся на них странах. Как утверждают исследователи, возникновение евразийского типа гражданского общества возможно лишь на его собственной исторической основе, поскольку он должен отражать специфику уклада жизни этносов: их духовное единство, артельность, не совпадающую с корпоративностью, «общинность» и коллективизм, имеющие многовековую историю. В том числе и «советского» прошлого, что, на наш взгляд, во многом объясняет позитивное эмоциональное отношение и социальную оценку этого периода истории в сознании многих людей, проживающих в евразийской части бывшего Советского Союза.

Действительно, среди кыргызов, да и других евразийских народов, долгое время не только благополучие, но и само существование каждого индивида зависело от общинного или родового коллектива, его прочности, способности и готовности поддержать нуждающегося. Это был оптимальный для общества тип социального устройства,

выдержавший проверку временем на протяжении двух с лишним тысячелетий. В результате, если в западной, главным образом англо-американской, политологии гражданское общество определяется как совокупность индивидуально свободных граждан, то, например, в кыргызском обществе гражданская свобода предстает как проявление коллективистского устройства социума.

Поэтому вполне правомерно предположить, что принципы гражданского общества в том виде, в котором они сейчас существуют, действительно соответствуют культурно-историческому развитию и социально-психологическому состоянию лишь европейского общества. Примечательно, что, например, мысль о том, что русский народ не приемлет никакого иного пути развития, который шел бы вразрез с уникальностью его душевных качеств, образа жизни и мышления, то есть с его национально-историческими и социально-психологическими особенностями, не раз высказывалась многими представителями русской философии и истории [11, 68; 12, 4, 207; 13, 232].

Все вместе, на наш взгляд, и актуализирует вопрос о специфике евразийской модели гражданского общества. В частности, могут ли такие либеральные ценности, как экономическая и социальная свобода, децентрализация государственной власти, политический плюрализм, свободный доступ к источникам информации, толерантность и приоритет общечеловеческих ценностей и т.д. быть реализованы в Центральной Азии или даже в России, где в отличие от западноевропейских стран другой менталитет и другая политическая культура.

Руководство Кыргызстана, как известно, определило основное содержание и смысл избранного пути - построение гражданского общества. Этот путь, как утверждают представители властных структур, разработан с учетом специфических особенностей страны, принимая во внимание во многом особый национально-исторический уклад жизни населения, своеобразный стиль мышления народа, его богатейшую культуру.

Безусловно, внимание к указанным условиям необходимо, особенно при определении тактики реализации намеченных реформ. Главное, что бы при этом, они не оказались непреодолимым препятствием в процессе формирования гражданского общества. К сожалению, на практике, отсутствие действительно демократических принципов организации жизнедеятельности общества или их функционирование в «урезанном» виде под жестким административным контролем, часто объясняется именно «особым национально-историческим укладом жизни, своеобразным стилем мышления народа» и т.п.

Конечно, сегодня мы можем наблюдать некоторые реальные результаты, начатого процесса развития гражданских отношений на евразийском постсоветском пространстве, в частности в Кыргызстане. При этом, вполне правомерно утверждать, что евразийская цивилизация способна выработать собственный тип общественного устройства, при котором свободная личность не противопоставляет себя обществу и государству, а взаимодействуя с ними, будет создавать прочные гарантии своей суверенности. Именно евразийский тип гражданского общества, придающий частному интересу общественно-значимый характер, основанный на исторической памяти народа, возрождении его традиций и открытости по отношению как к Востоку, так и Западу, соответствует тем реалиям, с которыми сталкивается Кыргызстан, другие евразийские страны. Такое общество будет по-настоящему крепким и подлинно демократическим, а взаимодействующее с ним государство станет эффективным правовым инструментом народовластия.

Литература:

1. Миаркс К., Энгельс Ф. Соч. , Т.46. Ч.1.
2. Шулепов А.В. Становление институтов гражданского общества реформируемой России. М., 2001.
3. Мамбеталиева Э.Ж. Взаимоотношения гражданского общества и государства. Автореферат канд. дисс. Бишкек. 2004.
4. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998.
5. Гаджиев К.С. Гражданское общество: концептуальный аспект // Кентавр. 1991. №2.
6. Попов А.Г. и Амбайе Д. Концепция гражданского общества в политических трудах Гегеля, Маркса и Грамши // Политическая теория: тенденции и проблемы. Вып. 1. М. 1993.
7. Чиналиев У.К. Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике. М. 2001.
8. Чиналиев У.К. Долгая дорога к гражданскому обществу // Рынок капиталов. 2001. № 3.
9. Абилдаев Э. Политическая система Кыргызстана: проблемы и перспективы. Бишкек, 2001.
10. См. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
11. Ильин И.А. Наши задачи // Юность. 1989. N8.
12. Ключевский В. Сочинения. М., 1989. Т.4.
13. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.

Эшимбекова Н.С.

РОЛЬ СТЕРЕОТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС

Благодаря средствам массовой коммуникации, в том числе на просторах стран Евразийского Союза, мы часто становимся свидетелями террористических актов, которые происходят в мировом пространстве. В печати появляются сведения о террористах уроженцах или гражданах Кыргызстана, в некоторых случаях данные официально подтверждаются, а в некоторых случаях - нет. На слуху такие имена и события, как Я. Машрапов участник теракта в ночном клубе Стамбула, террористы-смертники в аэропорту Ататюрка 2016 г., Б. Исраилов житель Сузакского района (2015 г.), рекруты ИГИЛ задержанные в Екатеринбурге, Москве и Санкт-Петербурге в начале 2016 года, братья Царнаевы (2013 г.) [1.] Помощники главарей террористической группировки «Исламское государство» М. Яхья и М. Хануф Азамеджан были взяты в плен в Сирии в 2015 году. [2]

Приведем данные, которые официально озвучивались руководством 10-го управления МВД Кыргызстана. Только по официальным данным, «в Сирию для участия в боевых действиях на стороне террористической организации «Исламское государство» выехало более 500 граждан Кыргызстана. Это данные почти годичной давности, а других пока нет. Тем более никому не нужно объяснять, какая пропасть может быть между данными, подтвержденными официальными структурами, и реальными цифрами. Ведь с Турцией у Кыргызстана безвизовый режим, а такого понятия, как «граница Турции и Сирии» для боевиков ИГ не существует. Поэтому сколько их там, завербованных и одурманенных, на самом деле точно никто не знает — ни в МВД Кыргызстана, ни в ФСБ России». [3]

Согласимся с распространённым выражением, что терроризм не имеет национальности, религии и родины. Однако это не меняет суть проблемы. Мы ведем речь не о борьбе с терроризмом, а о другой стороне проблемы - имиджа Кыргызстана в свете делинквентных форм поведения наших соотечественников, прежде всего в дружественных нам странах по ОДКБ и ЕАЭС. И здесь вопрос стоит гораздо шире, любой кыргызстанец за пределами страны является лицом этой страны и одно дело, когда делинквентные формы поведения мы наблюдаем за отдельными индивидами в лице трудовых мигрантов, студентов и т.д. и другое – инциденты с нашими дипломатами. В связи с чем, была создана даже парламентская комиссия, изучавшая накопившиеся многочисленные неприятные инциденты с участием работников отечественных диппредставительств за границей, например, в Казахстане, России, Таджикистане, Китае. [4]

Наносится ущерб имиджу страны в целом, а не ее единичным индивидам. В соответствии с чем, необходимо правительству страны, как и всем остальным социальным институтам, предпринять совместные меры противодействия, направленные на борьбу с этими проблемами. В информационных войнах наша страна проигрывает, но видится острая необходимость в следующих действиях:

- в случае ошибочных обвинений, подавать иски в суды с последующим публичным опровержением ложной информации и моральным возмещением ущерба, нанесенного имиджу страны;
- распространять в мировых СМИ больше качественной информации о Кыргызстане (одних Всемирных Игр Кочевников недостаточно). Зачастую пиарить страну начинают в связи с туристическим сезоном. Однако для того, чтобы формировать общественное мнение и проводить различные пиар акции через СМИ, значительных финансовых вложений не требуется;
- проводить комплексные мероприятия по воспитанию религиозной, этнической, общегражданской терпимости в школах, вузах.

Если срочно не принять необходимые меры, то проблемы могут только усугубляться. В этом отношении, четко работает концепция Д. Рисмена, американского социолога о «человеке-локаторе», суть которой в преобладании такого типа человека, как «ориентирующегося на других». Этот человек - конформист настолько поддается внешним влияниям, что не только окружающие, но и сам он не знает, в чем же, в конце концов, состоит его подлинное «Я». Потому и удается различным экстремистским организациям и различным политическим партиям, государствам, отдельным личностям, СМИ манипулировать общественным сознанием, так что поведение людей становится предсказуемым, а когда оно предсказуемо, то ими легче управлять. Именно поэтому необходимо создавать и распространять положительную информацию о стране за ее пределами, а внутри страны направить усилия на воспитание толерантности и тем самым консолидировать общество.

Обыватель оперирует шаблонными образами, т.к. чаще не направляет усилия на анализ текущих политических событий, а воспринимает готовую информацию из СМИ. Поэтому необходимо направлять соответствующую работу на формирование общественного мнения, которое требует к себе особого внимания, постоянного изучения и отслеживания, т.к. изучение общественного мнения является надежным каналом информации о реальном положении дел страны. Данный мониторинг оказывает содействие научному анализу современных процессов и явлений, происходящих в политической, экономической и культурной жизни страны и за ее пределами, помогая выявить недостатки и упущения, определить верные пути их устранения. Учитывая то, что общественное мнение меняется и на него можно повлиять, отслеживание его состояния и направленности постоянно находится в поле зрения сотрудников Аппарата Президента.

Известно, что социум разрабатывает схемы, отражающие его знания о себе, о других и выполняемых общественных ролях. Когда эти схемы закрепляются, они определяют наш способ обработки информации и формирования суждений о себе и других, что в свою очередь формируется под влиянием культурного окружения, в котором живет индивид, т.е. стереотипы детерминированы культурой. Не требует доказательств тот факт, что стереотипы являются упрощенными образами социальных объектов или событий, которые обладают устойчивостью, которая связана с воспроизведением традиционных способов восприятия и мышления. Очевидно, что подобные способы восприятия и мышления могут воспроизводить доминирование одних социальных групп над другими.

По мнению У. Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий мир во всей его противоречивости, создает «картину и в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления - стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а затем уже наблюдаем его. Во всей ... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [5, 81, 95].

Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения, стереотипы передаются из поколения в поколение, что часто воспринимается как данность, реальность, биологический факт. Если же личный опыт противоречит стереотипу, чаще всего происходит одно из двух: человек негибкий, незаинтересованный по каким-то причинам в изменении своих взглядов либо просто не замечает этого противоречия, либо считает его исключением, подтверждающим правило, и обычно просто забывает о нем. Человек же восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет свое восприятие окружающего мира.

Социальные стереотипы могут быть правдой, частично правдой или ложью. В связи с чем возникает вопрос об устойчивости стереотипов. Если в основе стереотипа находится реальность, то он должен быть относительно устойчив, если же он целиком и полностью ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической, международной, внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. В соответствии с этим положением большинство авторов настаивает на изменчивости стереотипов или частичной изменчивости.

Причины появления социальных стереотипов анализируются и в когнитивных теориях, которые изучают, в какой степени наши мысли зависят от непосредственного общественного контекста и, в свою очередь, влияют на наше поведение в обществе. Когнитивные теории акцентируют нашу потребность классифицировать людей, так как это упрощает способ восприятия окружающего мира. [6, 59] Люди обладают способностями для обработки информации об окружающем мире, поэтому они пользуются когнитивными обобщениями (в число которых входят и стереотипы), чтобы максимально уменьшить нагрузку на мышление.

Таким образом, если система в виде социальных институтов, СМК формирует схожесть мыслительных операций, умозаключений, восприятия в целом, то становится ясно, что манипулировать следует и различными ценностными категориями исходя из общих культурных ценностей. Значит, надо объединять народ Кыргызстана вокруг общих ценностей той повседневности, которой люди проживают ежедневно. Декларативные заявления необходимо доводить до каждого члена кыргызстанского сообщества. Отсюда следует, что основой декларативных заявлений должны быть приближенные к реалиям и ожиданиям простых обывателей цели достижения общей кыргызстанской модели

возрождения - чувства сопереживания за каждого члена сообщества, единения, высоконравственных установок, патриотизма.

Однако никто не отменял проблем, связанных с этнической идентификацией, которая всегда предполагает наличие определенного этнического образа себя, «своих», «чужих». Этот образ называется автостереотипом этничности, который является всегда положительным. Этнический стереотип – сосредоточение социально одобренных ценностных характеристик. Кыргызстан является полиэтнической страной и поэтому для кыргызской этнической группы как государствообразующего этноса, автостереотипы складываются из ценностных ориентаций на:

- знаковую систему, воплощенную в отдельных компонентах культурного комплекса (этнокультурные правила этикета);
- коллективизм (гостеприимство, щедрость, открытость);
- духовные ценности (нравственное, эстетическое, умственное воспитание);
- кумира (чинопочитание, уважение старших);
- трайбализм (местничество, родоплеменные отношения).

Автостереотип этничности всегда носит позитивную окраску, т.к. обычно каждая этническая группа сравнивает себя с еще менее успешной и слабой группой. В противном же случае одним из следствий может быть формирование негативной этнической идентичности (отрицательная когнитивность), которая может сопровождаться чувством неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса. В целях избегания таких ощущений у каждой этнической группы срабатывает инстинкт самосохранения, возникает потребность в безопасности. А как следствие, это является стимулом для самоорганизации и саморегулирования этноса.

В основе этнической идентичности лежат этнические ценности, представляющие собой форму бытования всей суммы этнокультурных элементов, принятых конкретной группой людей. Этнические ценности переосмысливаются как знаки – символы, которые люди используют в целях этноидентификации и которые лежат в основе процессов этнической мобилизации. Ценности этнической культуры связывают человека с его историческими корнями, этнической историей. [7, 46]

Исследователи, изучающие когнитивные представления, стереотипы, установки, в том числе и на солидарность, потребность в этнической групповой безопасности, выделяют также установки на аффилиацию, фрустрацию, этническую агрессию. Исследования этнических автостереотипов позволило выявить семь типов этнической идентификации в основе которой лежат этнические ценности:

- нормальная этноидентичность (положительное восприятие образа своего народа, естественный патриотизм, толерантные установки на общение с другими народами, понимание и положительная оценка их вклада в мировую историю);
- этноцентрическая идентичность (акцентированность собственной этничности, безусловное, некритическое отношение к ней);
- этнодоминирующая этничность (достижение целей, интересов собственного народа, понимаемое как безусловно доминирующая ценность, признание прав народа выше прав личности, представление об особой миссии своего народа выше прав личности, такой тип этничности близок к бытовому представлению о «националисте»);
- этнический фанатизм (готовность идти на любые жертвы и действия, вплоть до террористических акций, ради этнических интересов);
- этническая индифферентность (равнодушие к собственной этнической принадлежности);
- этнонигилизм в форме космополитизма (отрицание этничности, этнокультурных ценностей, декларирование свободы от всего, связанного с этническим феноменом, признание себя «человеком мира»);

- амбивалентная этничность (невыраженная, иногда «сдвоенная этничность»). [7, 44-45; 8, 72]

Но как мы предполагаем, на самом деле существует лишь две пограничные формы этнической самоидентификации: с одной стороны, это этническая локализация в пространстве созданной своей исключительности, с другой – это полное растворение этнической группы в окружающем мире. Все остальные группы придерживаются динамики развития либо в ту, либо в другую сторону, причем, чем меньше у этнической группы осознания своей исключительности, тем больше вероятность ее растворения. Следовательно, в дальнейшем мы должны исходить из тезиса, что принципы самоидентификации как самодостаточности должны исходить из идеи исключительности (или, если угодно, самобытности), выделяющей группу в окружающем мире.

Если мы говорим о том, что средства массовой коммуникации сейчас формируют общественное мнение, то соответствующие образы закрепляются в сознании большинства людей в мире. Поэтому мелкие эпизоды, складываясь в общую картину, создают образ Кыргызстана и кыргызстанцев в глазах мировой общественности, и данный имидж не работает в пользу нашего государства. Исходя из выше обозначенного следует, разрабатывая государственные программы по воспитанию религиозной, этнической и гражданской толерантности, придать большое значение значимости членства в такой социальной общности как кыргызстанцы и разработать разделяемые всеми гражданами страны принципы высокой морали, ответственности и патриотизма. Данные категории могут трансформироваться в зависимости от политической ситуации, экономического положения страны, сложившихся межгрупповых отношений, чувством удовлетворенности своим местом и положением в обществе и т.д. При этом, общегосударственные цели и ценности могут дать результаты в воспитании любви, гордости и ответственности за свою страну. Это возможно в случае систематической идеологической работы государства с проявлением заботы о каждом гражданине Кыргызстана.

Литература:

1. Имидж Кыргызстана и стереотипы // URL:http://www.vb.kg/doc/352998_terroristy_iz_kyrgyzstana:_kak_mir_yznaval_o_nih.html. Дата обращения 1. 04.2017 г.
2. Sputnik Кыргызстан // URL:<https://ru.sputnik.kg/society/20160706/1027380522.html> Дата обращения 1. 04. 2017 г.
3. Когда террористы вернутся домой. Sputnik Кыргызстан // URL:<https://ru.sputnik.kg/columnists/20160513/1025241076.html> Дата обращения 1. 04. 2017 г.
4. Как дипломаты портят имидж Кыргызстана. Радио Азаттык // <http://rus.azattyk.org/a/27703330.html> Дата обращения 1.04.2017 г.
5. Lippman W. Public Opinion. N.Y.1950.
6. Когнитивная психология. / Отв. Ред. Б.Ф. Ломов. М., 1986.
7. Окладникова Е.А. Этнос. Общение. Ценность. СПб., 2004.
8. Оганесян К.М., Бранский В.П.// Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. Бишкек. 2014. №6. Том 14.

Хайбулина Ф.Д.,

НПО КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Сегодня НПО часто называют третьим сектором, подчеркивая, таким образом, их важность и равное положение в обществе с государственными и частными структурами. Основными отличиями НПО от госучреждений и бизнес-предприятий являются: принцип добровольности объединения людей для решения общественно значимых задач и принцип самоуправления, также НПО не может иметь цели получения прибыли сотрудниками организации и учредителями [1]. Основываясь на данных принципах, неправительственный сектор призван решать задачи удовлетворения общественных нужд и вовлечения большинства граждан в социально-экономические и политические процессы.

В Кыргызстане, всю историю развития неправительственного сектора можно разбить на три этапа.

Первый этап: 1985-1994 гг. Во второй половине 1980-х годов в стране постепенно стали появляться первые неправительственные организации. Наиболее распространенными были экологические и историко-просветительские общества. Такая направленность вполне объяснима, – общество ещё не ощутило всей тяжести переходного периода, государство было в состоянии обеспечить необходимый минимум социальных услуг. В центре общественного внимания были критика тоталитарного режима, скрытая доселе информация о жертвах политических репрессий, рост национального самосознания. Впервые, за многие годы, люди получили возможность открыто высказываться о политическом строе, объединяться в общественные организации.

В результате политики гласности и плюрализма в конце 1980-х – начале 1990-х гг в Кыргызстане, возникли первые молодежные клубы политических дебатов и общественные движения, такие как «Позиция», «Демос», «Современник» «Мемориал», «Ассоциация избирателей Кыргызстана». В это же время возникли объединения национально-демократического характера: «Асаба», «Атуулдуук демилге» («Гражданская инициатива») и др. [2,8]. Как следствие, на базе этих и других организаций сформировалось массовое политическое движение под названием «Демократическое движение Кыргызстана» (ДДК).

В течение 1989-91 гг. были созданы и стали активно функционировать первые ассоциации и национально-культурные центры проживающих в Кыргызстане русских, украинцев, белорусов, корейцев, дунган, татар, евреев, уйгуров, немцев, узбеков.

Этот период так же отмечен появлением законодательной базы, касающейся неправительственных организаций. Так, с 1991 года деятельность НПО стала регулироваться Законом «Об общественных организациях», был также принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях».

Второй этап: 1994-2005 гг. Второй этап развития неправительственного сектора характеризуется как качественными, так и количественными изменениями, которые связаны со сдвигами в социальной структуре общества, сфере идеологии, формированием рыночной экономики[3,13]. В этот период происходит резкое ухудшение социально-экономической ситуации в стране, что объясняет появление большого числа неправительственных организаций, чья деятельность направлена на решение социальных проблем.

Так, растущая безработица, повышение оплаты за детские дошкольные учреждения, мизерные пособия по уходу за детьми-инвалидами способствовали появлению целого ряда женских неправительственных организаций по защите своих прав. Захлестнувшая рынок волна некачественных товаров из соседних государств создала благоприятные условия для развития организаций по защите прав потребителей.

Отличительной чертой данного периода является появление в Кыргызстане многочисленных международных донорских организаций, имеющих целью продвижение концепции гражданского общества через финансовую поддержку неправительственного

сектора. Грантовая поддержка выражалась в проведении семинаров, тренингов и «круглых столов», направленных на улучшение эффективности деятельности неправительственных организаций.

В целом, второй этап может быть охарактеризован усилившейся гражданской активностью, связанной в первую очередь с социальными и экономическими трудностями переходного периода.

Эти же годы характеризуются развитием правовой базы, которая в дальнейшем послужила основой для принятия ряда законов, разработанных при непосредственном участии гражданских общественных объединений. Например, были приняты Законы «О товариществах собственников жилья» от 2013 года [4], «О профессиональных союзах» от 2014 года [5], «О рынке ценных бумаг» от 2012 года [6].

Третий этап: 2009г. по настоящее время. Наиболее отличительной чертой данного этапа является выход неправительственного сектора на новый уровень отношений с государством. В Кыргызстане был принят новый Закон о деятельности общественных организаций, подготовленный лидерами ведущих НПО страны. Регистрация НПО является быстрым и недорогим актом (сбор за регистрацию составляет 5 - 8 долларов США, процедура регистрации занимает 10 - 14 дней) [7]. Согласно законодательству, в стране могут существовать даже незарегистрированные ассоциации. Однако фактически таких мало, так как большинство международных фондов предпочитают иметь дело с зарегистрированными НПО.

В данный период донорские организации по-прежнему продолжают играть важную роль в развитии неправительственного сектора. Однако, многие НПО достигли определенной степени зрелости, авторитета, что позволяет им лоббировать свои интересы на государственном уровне. Так, в 2013 году были приняты Законы «О политических партиях», «О кредитных союзах», «О кооперации», «О меценатстве и благотворительной деятельности» и др.

В настоящее время в Кыргызстане функционируют следующие группы гражданского общества: НПО, политические партии, средства массовой информации, общественные объединения, кооперативы, кредитные союзы, фонды, лоббирующие группы и группы по интересам, группы потребителей и экологические группы, общества этнических меньшинств, организации религиозного толка, социальные клубы и клубы для дебатов, крестьянские и фермерские хозяйства, молодежные организации, организации, поддерживающие НПО, социальные движения, НПО по защите прав человека, спортивные клубы, благотворительные организации, общинные организации, профессиональные ассоциации, культурные организации.

Существующая статистика некоммерческих организаций разнообразна и труднодоступна. Каждая из выше представленных баз данных имеет свои плюсы и минусы. Очевидно, что назрела необходимость разработать единую и полную классификацию некоммерческих организаций, так как некоторые данные уже устарели и часть НПО прекратили свое существование. Полный справочник по организациям гражданского общества мог бы дать реальную картину в стране.

По общему мнению многих «энпэошников», третий сектор в Кыргызстане развивается достаточно динамично, многие НПО работают эффективно и целенаправленно, в соответствии со своей миссией.

Ярким примером такой деятельности являются НПО «Кол-Кабыш» в Нарынской области, Центр НПО по раннему развитию детей «Джаныруу» в Таласе, сельская женская организация «Алга» в Чуйской области, НПО в Бишкеке Центр «Интербилим» и молодежное экологическое движение «БИОМ», общественное объединение «Ресурсный центр для пожилых» в Балыкчи и другие [8].

Вместе с тем, по мнению тех же «энпэошников», местные неправительственные организации сталкиваются с проблемами, типичными для НПО всех стран Центральной Азии. Например, ряд организаций создается «под грант», то есть для получения денег для

определенного проекта. Грант в этом случае рассматривается лишь как дополнительный «заработок», некая сумма для удовлетворения насущных потребностей. Часто такие гранты расходуются на коммунальное строительство, реконструкцию школ, больниц, что в принципе не плохо. Государственные структуры, видя полезность такого проекта, обычно не препятствуют его выполнению, скорее наоборот, помогают. Однако чаще всего подобные НПО распадаются после реализации одного - двух проектов, что является закономерным, если принимать во внимание цели их создания [9,20].

Многие НПО направляют свои усилия только на то, чтобы выжить, не осознавая потребность в объединении ресурсов и проведении совместных программ. Напротив, распыляют свои материальные и интеллектуальные ресурсы и усиливают ненужную конкуренцию за гранты международных организаций. Некоторые НПО не представляют интереса той группы, от имени которой они действуют.

Существуют и иного рода проблемы: не развиты альтернативные источники финансирования; не существует налоговых льгот для тех, кто занимается благотворительностью, следовательно, пожертвования со стороны коммерческих структур для НПО достаточно редки [10, 67-75].

Как уже отмечалось, особое место в становлении неправительственных организаций занимают донорские организации. Они играли и играют важную роль в институциональном развитии организаций третьего сектора в Кыргызстане. Такие организации, как ПРООН, ОБСЕ, Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству, ТАСИС, Фонд «Сорос - Кыргызстан», Каунтерпарт Консорциум, Фонд Аденаура, ХИВОС, ХЕЛЬВЕТАС, Корпус Милосердия, Корпус Мира и другие создают определенные благоприятные условия для усиления неправительственного сектора в стране.

Предоставляя услуги в сфере обучения, они способствуют профессиональному росту НПО. Многие из них прилагают усилия для поиска путей партнерства государства и третьего сектора. Эти усилия заключаются в проведении встреч представителей организаций гражданского общества и государственных структур, различных исследований.

Большинство НПО, ОГО, неформальных групп и др. сталкиваются с интервенцией доноров (как позитивной, так и негативной) по причине острой нехватки финансов в стране. Финансовая зависимость от доноров приводит к тому, что зачастую гражданское общество вынуждено строить непаритетные отношения и испытывать политическое давление со стороны финансирующих организаций. Влияние доноров ощущается не только в политике, программах и повестке дня государственного сектора, но они также играют важную роль в географическом размещении элементов гражданского общества в стране.

Некоторые НПО для своей финансовой устойчивости и независимости оказывают платные услуги и консультации, но значительная часть общества считает, что такая политика противоречит духу НПО. Зачастую, сотрудники НПО сами признают, что их работа пока недостаточно профессиональна, чтобы предоставлять свои услуги на коммерческой основе.

Нередки случаи, когда НПО возникают в ответ на насущную потребность решить какую-то проблему. Однако, не будучи специалистами в выбранной области, выполняют свою работу не профессионально, на любительском уровне. Тем не менее, нужно заметить, что в наиболее прогрессивных НПО сотрудники быстро адаптируются и обучаются новой профессии.

Распространены «семейные» НПО, особенно в сельских районах. Поскольку зарплаты даже самых небольших грантов международных фондов значительно превосходят зарплаты в государственном секторе, НПО становятся формой «малого бизнеса». Поэтому, часто учредители одновременно являются и руководителями своих же НПО, разумеется, все это не ведет к развитию гражданского сектора в регионах [11].

Конечно, трудно количественно, а тем более качественно измерить эффективность работы НПО, однако, по оценкам экспертов, от 50 % до 80 % зарегистрированных в Кыргызстане НПО существует только на бумаге, и лишь около 5 - 10% являются эффективно работающими. Парадоксально, но, факт, что чем благоприятнее законодательство по НПО (а, следовательно, и процедуры регистрации), тем больше их существует лишь «на бумаге». Хотя, безусловно, благоприятное законодательство способствует большому разнообразию и выживаемости НПО[12].

Затрудняет работу НПО и тот факт, что в стране до сих пор не принят Закон о лоббировании. Это препятствует продвижению неправительственными организациями как своих интересов, так и своих целевых групп.

В заключении, необходимо отметить, что среди ближайших основных целей всех НПО можно выделить следующие:

- Координация деятельности НПО, консолидация усилий и объединение ресурсов; Создание регулярной связи с правительством, министерствами и ведомствами по принципам социального партнерства для решения важнейших проблем общества, а также способов и механизмов их решения;
- Лоббирование парламента Кыргызстана по вопросам продвижения законопроектов, внесение изменений в действующее законодательство;
- Формирование в обществе, в структурах власти четкого представления о деятельности НПО, а также об их потенциале в решении социально значимых проблем общества;
- Информационное обеспечение деятельности «третьего сектора», обмен опытом работы;
- Развитие международных связей.

В целом, несмотря на обозначенные недостатки можно отметить, что третий - гражданский сектор в Кыргызстане является довольно развитым и имеет заметное влияние на общественно-политическую жизнь в стране.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Кыргызской Республики» от 1996 года; Закон «Об общественных объединениях» в редакции от 1997 года; Закон «О некоммерческих организациях» 1999 года.
2. Джусупов Б. Проблемы политизации неправительственных организаций Кыргызстана // Вестник КРСУ. 2008. №3. Т. 8.
3. Обзор истории становления и развития сектора неправительственных организаций в Кыргызстане. – Бишкек, 2006.
4. Закон КР «О товариществах собственников жилых и нежилых помещений многоквартирных домов» от 9 июля 2013 года // Законодательство стран СНГ, URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=61251 Дата обращения 17.03.2015г.
5. Закон КР «О профессиональных союзах» №130 (В редакции Закона КР от 4 августа 2004 года N 105). // Законодательство стран СНГ, URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=298 Дата обращения 27.03.2015г.
6. Закон КР «О рынке ценных бумаг» (В редакции Закона КР от 25 июля 2012 года № 122) // Законодательство стран СНГ, URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28679 Дата обращения 17.03.2015г.
7. Закон КР «О некоммерческих организациях» 15 октября 1999 года № 111 // Законодательство стран СНГ, URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=231 Дата обращения 27.02.2015г.
8. НПО Кыргызстана: цифры и факты. Отчет по исследованию АЦПГО. – Бишкек, 2006.

- 9.Ерл Л., Фозилходжаев Б., Ташбаева Ч., Джаманкулова К. Развитие сообществ в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Республике Узбекистан: последний опыт и извлеченные уроки. – ИНТРАК, 2004.
- 10.Биримкулов Д.К. Неправительственные организации - основной элемент гражданского общества. // Гражданское общество и НПО Кыргызстана: Взгляд изнутри. – Бишкек, 2005. С.67-75.
- 11.Байматов Б., Стакеева Б. Гражданское общество в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2003.
- 12.Третьяков А. Гражданское общество и власть. Культура отношений // Третий сектор. 2005. Вып. №1.

Мотина А.В.

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Профессиональные стереотипы могут выступать источником социальной напряженности и дезинтеграции социальных групп и общностей. Данная ситуация усугубляется в случае отдаленности предубеждения от реальности. На профессию учителя возложена большая социальная ответственность, поэтому выявление деструктивных профессиональных стереотипов о данной деятельности и их трансформация будут способствовать установлению эффективного взаимодействия субъектов образовательной сферы. В данной статье приведен сопоставительный анализ стереотипизированных образов профессии учителя студенческой молодежи в целом и студентов, получающих педагогическое образование. Рассмотрены основные профессиональные предубеждения, которые несут угрозу социальной напряженности в области образовательного процесса.

Актуальность исследования профессиональных стереотипов на сегодняшний день в социологической науке невероятно высока. Стереотипы являются одним из конституирующих аспектов существования современного социума, под которыми принято понимать создаваемые культурой образы людей из других групп, призванные объяснить их поведение и дать им оценку [5, 56]. Профессиональные стереотипы являются лишь одним из множества видов стереотипов социальных. Их основная цель заключается в упрощении образа представителя той или иной профессии, придании свойственных ему черт характера, особенностей поведения, межличностной коммуникации. Данный упрощенный образ служит определенным маяком, ориентируясь на который человек выстраивает свою линию взаимодействия с представителем той или иной профессии.

Современное общество находится на пороге наступления новой информационной эпохи. С каждым днем нас окружает все большее количество информации, в которой легко потеряться. В данных условиях стереотипы становятся своеобразными маяками, на основе которых выстраивается окружающая индивида реальность. Особенно актуально в современном трансформирующемся обществе отследить соответствие существующего в обществе профессионального стереотипа и реального его присутствия у представителей данной профессии. Несоответствие двух данных категорий может привести к обострению социальных противоречий, росту напряженности между представителями различных профессиональных сообществ, появлению недоверия и разочарования относительно представителей определенных профессий. Все это может привести к социальной дезинтеграции, нарушению эффективного взаимодействия в обществе. Несмотря на то, что каждый из нас в течение долгого времени находился в непосредственном взаимодействии с учителями, информационное поле данного рода деятельности наполнено различного рода стереотипами.

В рамках данного исследования нами был изучен и сопоставлен стереотипизированный образ учителя в глазах всего студенческого сообщества в целом и студентов, проходящих обучение в Алтайском государственном педагогическом университете и получающих данную профессию.

Стереотипизированный образ учителя в глазах студенческой молодежи г. Барнаула выглядит следующим образом: учитель – это женская профессия, связанная со зрелым возрастом, имеющая скорее низкий престиж и оплачиваемость труда. Среди поведенческих и личностных стереотипов наиболее распространены следующие: каждый учитель обожает предмет, который он преподает; у учителей хорошая память; они любят командовать; учитель всегда делит класс на плохих и любимчиков; они работают почти круглосуточно; учителя подрабатывают репетиторством.

В глазах студентов АлтГПУ, которые получают данную профессию, ее стереотипизированный образ выглядит следующим образом: учитель – это женская профессия, связанная со зрелым возрастом, имеющая низкую оплачиваемость труда и скорее низкий престиж. Среди личностных и поведенческих стереотипов выделены следующие: учителя любят детей; учителя легко узнать в толпе; они любят командовать; у учителей плохо складывается личная жизнь; в обычной жизни учителя склонны оценивать других людей; они работают почти круглосуточно.

Стереотипы о половой и возрастной принадлежности данной профессии у студенчества в целом и студентов АлтГПУ в частности почти полностью совпадают, исключением является несколько больший процент ассоциации учителя с пожилым возрастом у студенчества в целом. Также студенты-педагоги склонны более низко оценивать оплачиваемость труда и престижность профессии учителя, нежели студенческая молодежь.

Стоит отметить, что у данных двух групп существуют некоторые несовпадения относительно наиболее разделяемых личностных и поведенческих предубеждений. Студенты-педагоги не разделяют стереотипов о хорошей памяти, делении класс на плохих и любимчиков и любви к преподаваемому предмету, которые поддерживает студенчество в целом. В то же время среди будущих педагогов распространено предубеждение о том, что учителя можно узнать в толпе. Все ранее названные стереотипы в первую очередь связаны со спецификой работы, именно поэтому среди студентов АлтГПУ, которые с ней непосредственно знакомы, они имеют большую или меньшую выраженность.

Среди студентов-педагогов также распространены стереотипы о плохой личной жизни учителей и их склонности к оцениванию других людей, в то время как среди студенчества в целом данные предубеждения абсолютно не распространены. Данные два стереотипа также связаны с впечатлением, наложенным в ходе работы на личность; возможно именно поэтому среди респондентов, непосредственно знакомых с этой работой, процент согласившихся гораздо выше.

Стоит отметить, что в данной профессии нашлись предубеждения, которые могут таить в себе опасность социальной напряженности и дезинтеграции. Наиболее популярен среди студентов АлтГПУ стереотип о том, что учителя любят детей, в то время как в студенческой среде в целом он абсолютно не распространен. Полученные результаты подтверждает Г.Ф. Шафранов-Курцев, который отмечает, что большинство учителей обосновывают свой профессиональный выбор привлекательностью работы с детьми [4, с. 49]. Отсутствие распространенности данного стереотипа среди студентов несет в себе непосредственную угрозу для межличностной коммуникации, так как степень доверия к учителю постепенно падает, а стереотип о нелюбви учителями детей делает ситуацию лишь хуже.

Еще один стереотип, несущий в себе опасность, состоит в том, что все учителя подрабатывают репетиторством. С ним согласно студенчество в целом и не согласны студенты-педагоги. В ходе проведенной в рамках исследования фокус-группы, выяснилось, что, по мнению некоторой части студенческой молодежи, учителя лишь

«прибедняются», и их заработные платы не являются слишком низкими, кроме того их постоянно повышает государство. Репетиторство в данном контексте для многих родителей выступает как средство выманивания денег со стороны учителей и повышает напряженность во взаимоотношениях в процессе образования [3, с. 38]. Данные полученные в результате исследования подтверждают эту теорию, так как действительно студенческая молодежь склонна более высоко оценивать оплачиваемость профессии учителя, нежели будущие педагоги. Так же в ходе проведения фокус-группы выяснилась негативная оценка самого явления репетиторства со стороны студенческой молодежи. Все это может выступать в качестве социальных рисков, которые несут угрозу эффективной коммуникации между учителями и будущими родителями, без которой невозможно добиться качественного образования.

Изменить соотношение реальности и стереотипа можно путем коррекции одного из них в сторону объективности. По мнению большинства ученых, разрушить существующий стереотип или создать новый почти невозможно, однако существуют механизмы по их трансформации и дополнению их содержания, которые следует использовать в случае расхождения стереотипа и реальности. Основными источниками информации для изменения содержания предубеждения служат личный опыт индивида, его социальное окружение и средства массовой информации. Проведенное нами исследование показывает, что для современной студенческой молодежи наибольшее влияние на трансформацию стереотипа оказывают первые два источника, эти данные подтверждают и другие исследователи [2, 20]. Именно на них стоит опираться при трансформации информационного поля стереотипа. Однако исключать СМИ из данного процесса не стоит, так как, по мнению некоторых ученых, они несут долю манипулятивного компонента, который может оказывать большое влияние, но не осознаваться людьми [1, 136].

Таким образом, стереотипизированный образ учителя в сознании современной молодежи несколько отличается от образа, сформированного у студентов, получающих данную специальность. Некоторые расхождения между ними могут нести в себе угрозу социальной напряженности и способствовать дезинтеграции социальных групп и общностей, прямо или косвенно приобщенных к данной профессиональной деятельности. Для недопущения подобного рода явлений необходимо трансформировать ряд социальных стереотипов, которые далеки от реальности и способствуют укреплению негативного образа учителя у молодежи.

Литература:

1. Воронина С.А. Манипулятивный аспект функционирования средств массовой коммуникации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. 5. С.135-143.
2. Попов Е.А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: монография. Барнаул, 2013.
3. Чекалина, А.А. Профессиональные стереотипы учителя и работа с ними: гендерный аспект // Проблемы социальной работы: теория и практика: Сборник материалов II международной научно-практической конференции. Омск, 2008.
4. Шафранов-Курцев Г.Ф. Место учительства в стратификационной структуре современного российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 48-56.
5. Ядов В.А. К вопросу о теории стереотипизации в социологической науке // Философские науки. 1996. № 5. С. 54-69.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КЫРГЫЗСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Как и во многих регионах глобализируемого мира характерной чертой социокультурного пространства современного Кыргызстана является проблема языковой актуализации. На сегодняшний день в связи с реализацией концепции открытого общества билингвальная структура (русский – кыргызский), сложившаяся и просуществовавшая на протяжении всего советского периода, даже на визуальном уровне стала трансформироваться в более сложную конструкцию. Многочисленные языковые и культурные Центры столицы и республики предлагают для изучения весьма широкий спектр иностранных языков: от английского и немецкого до арабского и турецкого, от китайского и корейского до японского и иврита.

Однако во всём этом лингвистическом разнообразии на данный момент особое место занимают только три языка – кыргызский, русский и английский. Кыргызский, как язык титульного этноса, закономерно и законодательно обладает статусом государственного языка (язык гимна, международных переговоров, кыргызской этнической культуры и общения). За русским так же законодательно закреплён статус языка официального (республиканское делопроизводство, обучение в ряде школ и вузов, язык межэтнического общения). И наконец, английский, который не обладает в республике никаким официальным статусом, но выступая в качестве языка западной глобализации, вызывает к себе повышенный интерес и пользуется повышенным спросом. Он особенно популярен среди городской молодёжи и рассматривается ею как "золотой ключик" от "заветной дверцы" западного мира, куда очень многие стремятся попасть если не навсегда, то хотя бы на время.

Совершенно очевидно, что на протяжении истории востребованность того или иного языка в среде иноязычных народов во многом определялась геополитическими раскладами. Победа Запада в холодной войне и капитуляция в ней России, второй сверхдержавы, обеспечили на международной арене бесспорный приоритет английского языка как языка западного, а точнее, американского глобализма. Однако цель данной статьи не исчерпывается прямолинейным определением перспектив бытования того или иного заёмного языка на тех или иных территориях. Гораздо важнее понять перспективы развития этих самых территорий, в социокультурное пространство которых внедряется какой-либо иной, дополнительный язык. Что он сможет дать народам, населяющим эти территории; каким образом будет (или не будет) содействовать реализации стратегии завтрашнего дня; поможет ли он этим народам занять достойное место в мировой истории или столкнёт их на её обочину. Иными словами, будет ли он работать на историческую перспективу.

С приходом к власти большевиков в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г. необходимо было решить ряд первостепенных задач, вне реализации которых, ни о каком светлом будущем даже на ближайшую перспективу не могло быть и речи. Архиважным вопросом, говоря ленинским языком, стал вопрос распространения и донесения до сознания населения огромной многоплеменной и многоязычной страны новой коммунистической идеологии в целях интеграции населения на качественно иных принципах. Решить эту задачу революционным наскоком было невозможно, поскольку объективно было невозможно просто взять и перевести первоисточники теоретиков марксизма на языки коренных народов России, так как в основной своей массе большинство этих народов было предельно архаичным, не имело собственной письменности и книжной культуры, практически стопроцентно было безграмотным.

Языки коренных народов не годились для решения этой задачи ещё и потому, что в силу этой самой архаичности не имели в своём лексическом составе необходимых слов и понятий. А поскольку большевистский проект был одной из ипостасей проекта модерна, было решено начать масштабный процесс распространения русского языка среди нерусских народов (позднее этот процесс получит название русификации) уже советской России, дабы с его помощью решить задачи не только идеологического просвещения, но и дальнейшего экономического рывка. Таким образом, русскому языку был присвоен официальный статус языка межнационального общения, а русская культура стала донором для прогрессивного развития многочисленных архаичных народов бывшей Российской империи.

Как это происходило в реальном режиме нетрудно проследить на примере взаимодействия русской и киргизской культур. Используя структурно-функциональный подход проструктурируем русскую и киргизскую культуры, чтобы посредством сопоставления этих структур определить характер и направление культурной динамики. В качестве критерия возьмём материальную и духовную деятельность, а для корректности сопоставительного анализа исходной датой определим не теперешний год, а год 1900-й. Это ещё имперский период, в котором киргизский народ жил традиционным укладом на базе отгонного скотоводства, а русская культура ещё не стала объектом большевистского реформирования (осоветчивания). При этом необходимо учитывать одно из положений культурфилософии, утверждающее, что структура культуры не только непосредственно обусловлена структурой сознания творящего её субъекта, но и отражает структуру его потребностей. Нас это сопоставление интересует постольку, поскольку позволяет через структурные элементы культуры определить основные лексико-семантические блоки базовых языков. Для русской культуры это русский язык, для киргизской, соответственно, киргизский. Схема представлена в самом лаконичном варианте.

Критерий деятельность	1900	
	<i>Русская культура</i>	<i>Киргизская культура</i>
материальное производство		
промышленность	промышленность	----
духовное производство		
наука	наука	----
мораль	мораль	традиционная мораль
искусство	литература, архитектура, изобразительное искусство, музыка, балет и т.д.	УНТ; декоративно- прикладное искусство
право	статутное право (писанный закон)	адат, шариат
образование	система образования	----
религия	православное христианство	ислам с элементами язычества

С укреплением советской власти в рамках национальной политики большевиков, нацеленной на подъем национальных окраин за счет русского центра (этим и объясняется появление многочисленных русских переселенцев), в структуре киргизской

национальной культуры начинают происходить принципиальные изменения. Постепенно она все больше обретает структурное сходство с более сложной структурой русской культуры. В республике постепенно разворачивается современное промышленное строительство, формируется многоуровневая светская система образовательных учреждений, открывающая перед киргизами широкие возможности в получении образования на привилегированных началах, создается национальная Академия наук. На смену традиционным формам права приходит система статутного права, искусство становится все более многовидовым и многожанровым, религия же, поскольку СССР было государством атеистическим, формально вообще не берется в расчет. Вывод очевиден – к концу советской эпохи структура кыргызской национальной культуры формально приходит в полное соответствие с русской культурой, цикличность традиционного уклада трансформируется в прогрессистский вектор, этнография сменяется историей, минус меняется на плюс.

С точки зрения понимания языковой ситуации в стране эта таблица наглядно показывает, что произвести столь мощный культурно-исторический рывок из архаики в современность без усвоения и дальнейшего использования русского языка как инструмента рационального познания было бы невозможно. Кыргызский язык объективно не годился для этой роли, потому что, как видно из этой же таблицы, его возможности были и остаются весьма ограниченными в сферах науки и образования. Две главные сферы его применения – фольклорно-поэтическая и бытового общения. И хотя в советский период делалось очень много для развития собственно кыргызского языка и кыргызской письменности, результаты этих усилий оказались на поверку достаточно скромными. Времени, отпущенного на советский проект, для подобного рода изменений оказалось явно недостаточно, что очень ярко и проиллюстрировали последующие события.

После распада СССР в 1991 году постсоветское пространство погружается в системный кризис, который проявляет свой разрушительный потенциал практически на всех уровнях социокультурного бытия. Кыргызстан также оказывается в эпицентре этих событий. Под лозунгами демократических перемен к власти приходит этноэлита, которая начинает править страной исходя из системы собственных ментальных ценностей и приоритетов. Динамика социокультурного развития в одночасье меняется с плюса на минус, включаются процессы исторического отката. Наибольшему разрушению подвергаются три сферы – это промышленное производство, наука и система образования. То есть именно те отрасли народного хозяйства, которые были "привиты" к древу кыргызской культуры от донорской русской, и которые имманентно находятся между собой в состоянии очевидной интеракции. Имеется в виду, что в своё время именно развитие науки способствовало развитию техники и промышленного производства, которые в свою очередь финансировали науку посредством заказов разнообразных технических проектов, а система образования возникла как элемент, отвечающий за подготовку кадров как для науки, так и для передового промышленно-технологического сектора.

Таким образом, с уничтожением производственно-промышленной базы страны, наука и система образования в республике начинают обретать всё более имитационный характер. Уровень образования и научного знания катастрофически падает. Большая часть "научных" исследований сосредотачивается в сфере гуманитарного знания, преимущественно истории, которая рассматривается где-то на грани между реальным и желаемым под мощным прессом наскоро сконструированных идеологических мифов. Что же касается наук естественных и технических, то по понятным причинам, в первую очередь из-за отсутствия финансов, во вторую – грамотных специалистов, научные исследования в этих областях практически полностью прекращаются. Реформирование школьного и вузовского образования медленно, но верно ведёт их к окончательной утрате конкурентоспособности. Русский язык, несмотря на закреплённый статус, всё более

"вымывается" из социокультурного пространства Кыргызстана, тем самым всё более сужая сферу научно-рационального познания.

Столь пространный дискурс понадобился для того, чтобы максимально адекватно и эффективно оценить не только существующее положение вещей, но и ближайшее будущее. Прогрессивная роль русского языка в развитии кыргызской истории и культуры XX века очевидна, как очевидно и то, что на сегодняшний день русский язык теряет свои позиции как в республиках среднеазиатского региона в целом, так и в Кыргызстане в частности. Первая причина уже названа – это распад Советского Союза и спровоцированный этим распадом системный кризис. Вторая причина – влияние процессов глобализации, вестернизации. Этот уровень проблем можно условно назвать геополитическим. Что же касается социокультурного уровня, то здесь следует заметить, что статус русского языка в Кыргызстане отстаивают и защищают вовсе не оставшиеся ещё в республике русские, а городская кыргызская интеллигенция, которая лучше остальных социальных групп и слоёв осознаёт его значение и предвидит весьма неоднозначные последствия в случае его возможной окончательной утраты.

Здесь важно иметь в виду, что настоящая городская кыргызская интеллигенция – это как правило бывшие фрунзенцы; это горожане не в первом поколении; это люди, для которых русский язык родной; это квалифицированные работники, получившие ещё советское образование; это представители культурно-исторического Севера Кыргызстана, структура сознания которых в большей степени соответствует левой стороне вышеприведённой таблицы. Они безусловно представляют элитарные слои городского населения, но, к сожалению, далеко не самые авторитетные и многочисленные.

Неконтролируемые волны внутренней миграции с окраин в центр, согласно законам диалектики, завершились предсказуемым переходом количества в качество. Выходцы с периферии, зачастую не имеющие ни качественного образования, ни высокой профессиональной квалификации, составляют на сегодня подавляющее большинство жителей столицы. А если ещё учесть, что южане отличаются более традиционалистским, более консервативным мышлением, то характер и направленность изменений базовой культурной парадигмы города становится очевидной – это смещение в правую сторону нашей таблицы. Представители именно этой части вновь испечённых горожан основной акцент делают на приоритете родного кыргызского языка, к русскому относятся подчёркнуто диаметрально, главные надежды связывая с развитием английского.

Попробуем разобраться, сможет ли английский язык в современных условиях в масштабе всей республики принять на себя весь объём тех задач, которые до последнего момента решались за счёт русского. Забегая вперёд, можно со всей категоричностью сказать – нет. И здесь речь вовсе не идёт о возможностях и потенциале самого английского языка, о них будет сказано ниже. Дело в другом. Развитие русского языка на протяжении всей советской истории носило массовый характер и велось за счёт государственного бюджета, из которого на образование выделялись миллиардные суммы. Ставка делалась в первую очередь не на коммуникативную, а гносеологическую функцию русского языка, что на перспективу обеспечивало задел как для совместного, так и для самостоятельного экономического развития целых этнических общностей. Советское правительство было непосредственно заинтересовано в росте интеллектуального потенциала советского народа, тем самым обеспечивая конкурентоспособность страны на международной арене.

Англоязычные страны, включая США и Британию, таких статей расходов вовсе не предусматривают. Экономическое процветание всех этих вновь образованных постсоветских республик, в которые они приходят как первые среди равных (*primus inter pares*), их вообще не заботит. Преподавание английского языка на территории стран третьего мира должно быть самоокупаемым, а уровень знания достаточным для того, чтобы понимать приказы новых хозяев мира и выражать им свою горячую признательность. Английский язык не предлагается как массовый, а лишь как элитарный.

Отсюда на гносеологическую функцию языка ставка вообще не делается, речь идёт лишь о коммуникации, что мы видим и на примере Кыргызстана.

Часы на преподавание иностранных языков в пределах и школьной, и вузовской программ постоянно сокращаются. Для более-менее качественного изучения языка остаются лишь частные коммерческие платные курсы, где цены за обучение достаточно высоки, и потому далеко не все могут их себе позволить. Преподавательские кадры на этих курсах также оставляют желать лучшего, поскольку зачастую занятия ведут не профессиональные языковеды, а волонтеры, простые носители языка. Местная же молодёжь в большинстве случаев изучает английский вовсе не для того, чтобы затем преподавать его ещё кому-то, развивать с его помощью собственную науку и культуру, а для того, чтобы иметь дополнительную возможность перебраться в дальнее зарубежье, в идеале – на ПМЖ. Очевидно, что при подобных раскладах английский язык вряд ли когда-нибудь станет массовым в республике. Скорее всего, он останется привилегией городской молодёжи из обеспеченных семей, что по определению не может стать ни основой общегосударственного экономического броска, ни базой последующего научного прорыва.

Общеизвестное, но, как правило, оставляемое без внимания, ещё одно принципиально важное обстоятельство – язык является инструментом не только общения или познания, но и мышления. Разные языки задают разные картины мира, формируют разное мировосприятие. Кыргызский язык относится к разряду так называемых агглютинативных языков, для которых характерно чувственно-конкретное восприятие. При агглютинации [1] каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение, что объективно сужает границы семантических или смысловых колебаний. Агглютинативные языки, таким образом, формируют мышление прямолинейное, инвариантное. Английский язык является языком аналитическим, способствуя формированию у своих носителей абстрактно-понятийного мышления, что практически характерно для большинства стран и языков Запада.

Русский язык – язык флективный (фузионный), поливариативный, в котором слияние морфем сопровождается изменением их фонемного состава на границах морфем. То есть присоединение той или иной морфемы может изменить значение слова вплоть до противоположного. Отсюда у людей, говорящих и думающих по-русски (речь не идёт лишь об этнических русских), мышление троично-ассиметричное или, говоря проще – парадоксальное. Не случайно одним из самых главных и любимых русских фольклорных персонажей является Иван Дурак, который на поверку оказывается вовсе не банальным глупцом, отличающимся ярко выраженной умственной отсталостью, а человеком, способным мыслить нестандартно – парадоксами. То есть иметь собственное мнение, суждение, резко расходящееся с общепринятым и иногда, на первый взгляд, даже противоречащее здравому смыслу. Возможно именно за это свойство русского национального характера наблюдательные китайцы, кстати обладающие конкретно-символическим мышлением, обозначают Россию иероглифом "неожиданность".

Здесь мы подходим к главному – месту и значению России в системном восприятии большинством представителей титульного этноса Кыргызстана. Если, например, к тому же Китаю относятся опасливо уважительно, к Западу, особенно в лице США, чуть ли не подобострастно, то к России – по большей части снисходительно потребительски. Ту огромную помощь, которую Россия и сегодня оказывает Кыргызстану, на уровне массового сознания воспринимают как некую "справедливую компенсацию" за "угнетение и геноцид" кыргызского народа в советский период. А упоминать о том, «как это было на самом деле» стало признаком дурного тона.

По мнению автора, сложившаяся ситуация во многом обусловлена малоэффективной работой российских и пророссийских субъектов мягкой силы. Русскоязычные СМИ, неправительственные организации, представительства крупных российских компаний, ряд школ и вузов, включая КРСУ, филиал Россотрудничества и,

наконец, Посольство РФ в КР за весь постсоветский период не смогли не то что создать "позитивный имидж новой России", но даже отстоять объективный образ России советской – созидающей и оберегающей. Не смогли убедительно донести до сознания большинства населения не мысль о том, как им будет замечательно с Россией, а мысль о том, как им будет непросто без неё. Всё свелось к спекулятивным разговорам о статусе русского языка, в которых, даже не пытаясь глубже вникнуть в существо вопроса, реально важную тему стали просто забалтывать, зарабатывая на этом сомнительные политические дивиденды.

Тезис «Русский язык – Русский Мир» имманентно ложный. Не язык определяет мир, а мир [2] – язык. Иллюстрация – современная Украина, где и сейчас для подавляющего большинства русский язык является родным, но вот является ли сама Украина русским миром или хотя бы его частью – большой вопрос. Более того, основы и скрепы русского мира с 1991 г. последовательно разрушаются на территории самой России, а конъюнктурная полемика вокруг исторической роли русского языка ведётся в обход главного субъекта этого самого языка – русского народа, самочувствие которого мало кого заботит. Поэтому и в процессе преподавания русского языка ставка делается в первую очередь не на изучении его как родного, а как иностранного. Однако, как видно из вышесказанного, языковая маркировка сама по себе, очевидно, не является достаточным критерием для различения дружественного и враждебного. Поэтому России, если она хочет сохраниться и процветать, придётся пойти на изменение ряда принципов не только языковой, но и социокультурной политики в целом.

Возвращаясь к заявленной теме, в заключение хочется сказать, что главной проблемой, тормозящей развитие русского языка как внутри страны, так и за её пределами является утрата Россией её политического и цивилизационного статуса, иными словами – её референтности. А что касается Кыргызстана, роль русского языка в нём, по мнению автора, будет продолжать снижаться при нейтральной позиции английского и нарастающей роли кыргызского языка. На интеллектуально-смысловом уровне, обеспечиваемом языком (языками) общения, всё отчётливее будет заметно смещение из сферы познания в сферу чистой коммуникации. Наполнятся ли эти процессы новым содержанием – покажет только будущее.

Литература:

1. Агглютинация - образование производных слов и грамматических форм путём присоединения к корню аффиксов, которые соплагаются друг с другом, не претерпевая при этом существенных звуковых изменений, которые сделали бы трудным проведение между ними границ. Каждый аффикс как правило имеет одно грамматическое значение, например, числа или падежа (примечание автора).
2. До Великой Октябрьской революции в русском алфавите было две буквы «и»: одна, известная нам из кириллицы, и другая «і» - из латиницы. Соответственно существовали две формы написания слова «мир» - это «мир» и «мір». Первое было антонимом слову «война», а второе – синоним слову «общество». Например, роман Л.Н. Толстого назывался «Война и мір», то есть «Война и общество» (примечание автора).

Теишова М. Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В современных условиях глобализации развитие мировой экономики основывается на формировании научно-образовательного и инновационного потенциала стран, инвестиций в развитие человеческих ресурсов, а также модернизации образовательных систем. Социально-экономическое развитие общества обусловлено взаимосвязью экономической и образовательной составляющей национальных систем, которые определяют условия накопления интеллектуального потенциала стран [10, 51-53].

Образование СНГ, структурирование его политической, экономической, социальной жизни, а также сложившаяся в прежние годы и ставшая для нас привычной социально-экономическая, социально-педагогическая терминология во многих случаях неадекватно отражает новые реалии. Поэтому для их оценки и анализа требуется обоснование понятийного аппарата, фиксирующего закономерности и тенденции этого процесса.

Неслучайно в научных исследованиях последнего времени возникла устойчивая тенденция – обозначать интеграционные процессы в различных областях как формирование, развитие определенного пространства: экономического, информационного, образовательного. Придавая ему значение как взаимодействие субъектов общественной деятельности (социальных институтов) в определенных границах. Речь может идти о городе, районе, области, регионе, стране, группе стран, объединенных общими историческими, культурными, образовательными традициями, в глобальном масштабе – мировое пространство. Можно констатировать, что, с одной стороны, понятие «образовательное пространство» принадлежит к числу наиболее употребляемых, и с другой, наименее ясных по своей сути [10, 51-53].

Этим, собственно, и определяется научная и практическая потребность обозначать пространство (в данном случае мы имеем ввиду образовательное пространство государств-участников СНГ) как своеобразное явление в общественных отношениях этих стран, как один из элементов в их политическом структурировании. Совокупность всех видов образовательных структур является зоной конкретного взаимодействия национальных образовательных систем и их отдельных звеньев. Взаимное использование конкретных особенностей одной страны в образовательном пространстве других стран создает схожие образовательные ситуации в этих странах и способствует развитию дальнейшей интеграции. Особенности такой интеграции становятся:

- а) согласованная образовательная политика;
- б) взаимное сближение и взаимодополняемость национальных образовательных систем;
- в) синхронизация действий, достигаемая на основе их регулирования, возможно, и наднациональными институтами;
- г) постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач образования будущего [8, 41-45].

На протяжении более чем 20 лет со дня своего основания Содружество Независимых Государств активно ищет пути совершенствования оптимальной для стран, входящих в его состав, интеграционной модели развития. При этом на всех этапах своего становления СНГ прогрессирует в контексте как национальных, так и глобализационных процессов. Известно, что некоторые страны СНГ, стремящиеся к более тесному сотрудничеству, действуют в формате различных интеграционных объединений – таких, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС), Таможенный союз [7, 79-85].

В последние годы наметилась тенденция к активизации взаимодействия стран Содружества в гуманитарной сфере. Этому способствуют как решения, принятые на межгосударственном уровне, так и взаимодействие образовательных учреждений, культурно-просветительских центров, общественных организаций по линии народной дипломатии. В рамках гуманитарного сотрудничества страны СНГ особое внимание уделяют сотрудничеству в сфере образования. Последнее, бесспорно, способствует интеграции наших народов, и очевидно, что важно учесть роль традиционных образовательных связей между странами СНГ [7, 79-85].

Одним из перспективных проектов на просторах СНГ является Евразийский экономический союз. Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как организации региональной экономической интеграции вступил в силу с 1 января 2015 года. В состав союза входят Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [10, 51-53].

Такая актуальность интеграционных процессов в образовательном пространстве вызвана потребностью как в опережающем характере взаимного сближения стран-участниц, что важно «с точки зрения обеспечения необходимой гуманизации, становления нового человеческого профилирования ... экономики и связанного с этим возможно перераспределения общественных ресурсов как непосредственно в само образование, так, и в культуру, здравоохранения и т.п.» [12, 51].

Дискуссия о создании общего образовательного пространства ЕАЭС началась сразу после подписания договора о его создании 29 мая 2014 г. Каждая из стран-участниц понимают, что мировая экономика входит в шестой технологический уклад, и для обеспечения конкурентоспособности стран ЕАЭС в тех сферах, которые будут лидировать через 10-15 лет, требуется совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров для работы в условиях интеграционной экономики, аттестации научных кадров. Возникает необходимость также решения такой сложной задачи, как подготовка управленческой элиты для ЕАЭС [9, 60-63].

Образовательный аспект сотрудничества является важной, обеспечивающей составляющей межгосударственной интеграционной политики вне зависимости от региона ее осуществления. В полной мере это относится и к задаче формирования единого образовательного пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – международной организации региональной экономической интеграции государствами-членами. Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2015 г. предусмотрены создание общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение общей политики в различных отраслях экономики. Для подобного рода проектов глубокой экономической интеграции, каковым является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), образование представляет собой сквозную сферу, охватывающую самые различные аспекты взаимодействия. В ряде случаев общие нормы и механизмы кооперации в сфере образования являются базовым условием, в других случаях – драйвером интеграции государств – членов объединения. Создание общего рынка труда требует решения вопросов сближения (сопоставимости) образовательных и профессиональных стандартов, взаимного признания дипломов об образовании, ученых степеней и званиях [13, 7-78].

В частности, создание общего рынка труда требует решения вопросов сближения (сопоставимости) образовательных и профессиональных стандартов, взаимного признания дипломов об образовании, ученых степеней и званиях. Эффективное планирование и развитие общего рынка труда как фактора экономического роста невозможно без научно-технологического и производственного форсайта, основанного на нем долгосрочного

видения потребностей общего рынка в кадрах и механизмов поддержки соответствующего кадрового обновления экономик[13, 7-78].

Для того чтобы определить перспективы формирования единого образовательного пространства ЕАЭС, установить направления его создания и развития, прежде всего необходимо определиться, что представляет собой данное социальное образование, какие составляющие включает. Задача формирования единого образовательного пространства ставилась и в процессе интеграционных процессов на постсоветском пространстве под эгидой СНГ. В частности, принятый в конце 2006 г. Модельный образовательный кодекс для государств-участников СНГ содержит развернутую трактовку рассматриваемого феномена. В соответствии с Кодексом, «Единое образовательное пространство Содружество Независимых Государств это пространство, характеризующееся:

- 1) общностью принципов государственной политики в сфере образования;
- 2) согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, уровней образования, нормативных сроков обучения на каждом уровне, положений и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров;
- 3) равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в государственном и муниципальном образовательном учреждении на территории государств-участников СНГ» [6, 40-48].

Первые шаги по развитию евразийской интеграции в сфере образования уже были сделаны. В 2009 г. Ведущие образовательные центры в сфере подготовки управленческих кадров государств – членов ЕАЭС (Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, Российская академия государственной службы, Академия управления при Президенте Республики Казахстан, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, а также Институт государственного управления при Президенте Республики Таджикистан) подписали Декларацию о взаимодействии в подготовке топ-менеджеров новой формации для государственных органов Евразии. Целью этого соглашения являются объединение усилий евразийских образовательных центров, специализирующихся в подготовке кадров государственной службы, реализация совместных научных исследований и проектов по проблемам современного государственного управления [10, 51-53].

Формирование общего образовательного пространства ЕАЭС необходимо рассматривать не только в разрезе развития отношений, составленного в рамках этого объединения, но и с позиции учета элементов образовательной интеграции в рамках таких объединений, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ), а также деятельность славянских университетов, которые нацелены на создание единого образовательного пространства на постсоветском пространстве, развитие академической мобильности, укрепление сотрудничества между странами СНГ в области подготовки специалистов, содействие обмену аспирантами[10, 51-53].

В настоящее время на территории СНГ успешно функционируют пять славянских университетов: Российско-Армянский, Бакинский, Киргизско-Российский, Российско-Таджикский, Российско-Белорусский [7, 79-85]. Славянские университеты предоставляют не только образовательные услуги, они являются культурно-просветительскими центрами, способствующими популяризации знаний о русской культуре, сохранению культурно-языковой идентичности русского населения за рубежом, их полноценной социализации, приобщению молодежи к богатейшему культурно-историческому достоянию народов Содружества.

Становится очевидным, что опыт деятельности славянских университетов в СНГ важен для развития как самих университетов, так и других высших учебных заведений, участвующих в процессе формирования единого образовательного и общего гуманитарного пространства Содружества Независимых Государств. Этот опыт также

позволяет расширять сеть славянских университетов в странах СНГ и дальнего зарубежья, выработать меры по совершенствованию их деятельности[7, 79-85].

Для ЕАЭС русский язык играет не менее важную роль в некоторых моментах – более важную роль, чем экономика. Примечательно, что в Евразийский союз вошли государства СНГ, которые отличаются высоким уровнем распространения русского языка. Исключением является Армения, которая в силу исторических и географических особенностей похвастаться этим не может.

Роль русского языка в интеграционных процессах демонстрирует пример Центральной Азии. Из пяти государств региона в состав ЕАЭС вошли именно Казахстан и Кыргызстан, где русским языком владеет 84% и 48, 6 %. Особая роль в вопросе отношения к русскому языку отводится руководству той или иной страны. От этого фактора зависит регулирование межнациональных взаимоотношений на территории постсоветского пространства. Пример Республики Казахстан доказывает, что усиление повышения интереса молодежи к изучению английского языка может осуществляться и при условии сохранения официального статуса русского языка. Русский язык в Кыргызстане для страны, где живут представители 80 национальностей, выполнял и продолжает выполнять роль – языка межнационального общения.

Цели создания Университета ШОС (УШОС) определены в рамках ШОС многосторонними нормативно-правовыми актами, принятыми государствами-членами ШОС, и состоят в укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между странами-участниками ШОС, развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий, содействии эффективному сотрудничеству стран-участниц ШОС в экономической, научно-технической и культурной областях, обеспечении возможностей для обучающихся получить образование международного уровня за счет доступа к современному, передовому опыту образовательной деятельности стран-партнеров ШОС.

Университет Шанхайской Организации Сотрудничества во многом является уникальным образовательным проектом в Евразии. Хотя некоторые отдельные элементы его работы имели место в мировой образовательной практике, они никогда не сочетались в одной системе. Страны - участницы ШОС ведут деятельность в нескольких сферах. В последнее время актуальными направлениями стали энергетика, экология, инновационные технологии. Учитывая пожелания государств, УШОС ведет подготовку в пяти основных наиболее востребованных направлениях:

- Регионоведение;
- Экология;
- Энергетика;
- Нанотехнологии;
- IT-технологии;

Такой подход является оправданным, поскольку странам ШОС необходимы высококвалифицированные специалисты[7, 79-85].

Ректор Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода Н.Ю. Салимов полагает, что университет ШОС – это «наш ответ Болонскому процессу», а интернационализация образования (прежде всего – высшего) в условиях современного общества – это необходимость. Создание УШОС отвечает требованию конкретизации работы по созданию единого образовательного пространства, начиная с ЕврАзЭС, а затем – в рамках всего СНГ и стремлению к вхождению в европейскую и мировую зону образования [11].

Таким образом, Университет ШОС может сыграть важную роль в системе образования на Евразийском пространстве. В настоящее время он имеет шанс стать региональным консорциумом, объединившим как научно-исследовательские центры и университеты, так и разного рода организации, стремящиеся к развитию партнерства, вложению инвестиций, всестороннему развитию. УШОС расширяет свою деятельность, в результате которой удалось установить многостороннее сотрудничество, и создать

фундамент для полноценных масштабных проектов. Университет имеет шансы стать важной составляющей системы высшего образования на пространстве Шанхайской организации сотрудничества.

Особая роль образования в современных условиях развития социума в странах Содружества подкрепляется и тем, что от наличия высококвалифицированных специалистов зависит экономический, политический, культурный успех страны, уровень жизни ее граждан.

Необходимо отметить, что в течение последних 20-25 лет все бывшие советские республики, имевшие ранее общую систему образования, осуществили значительные трансформации советской образовательной модели по большинству ее элементов. Произведенные изменения в области образования стали естественным продолжением общей совокупности социально-экономических преобразований в этих странах, ответом на меняющиеся реалии общественной жизни, политических установок, запросов со стороны всех секторов национальной экономики [6, 40-48].

Еще в 2002 г., когда ни одна из стран СНГ не являлась членом «болонского клуба», международной исследовательской группой экспертов было высказано предположение, что «одним из механизмов усиления конвергентных характеристик в образовательных системах стран СНГ при сохранении их позитивного разнообразия (достижении состояния упорядоченного многообразия)» могло бы стать их реформирование «по двум сходящимся осям подб держания общего образовательного пространства: «ось» СНГ и «ось» Европы». Это была начальная фаза компаративного исследования образовательных стандартов высшего образования славянского ареала государств-участников Содружества (Беларуси, России и Украины). Позднее в своих национальных докладах, выполненных в едином согласованном методологическом ключе (2006), эксперты шести стран СНГ (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Украины) свидетельствовали о том, что несомненным конвергирующим фактором в сохранении достаточной меры общности в системах высшего образования и векторах их развития является Болонский процесс [3, 47-58].

В вопросах интеграции в сфере образования в рамках ЕАЭС Казахстан проявляет сдержанную позицию. Известно, что именно Казахстан выступил против включения интеграции в гуманитарной сфере в Договор о ЕАЭС. В последнее время сдержанную позицию проявляет и Белоруссия в этом отношении. Москве 13 апреля 2016 г., на которой все страны ЕАЭС, кроме Казахстана, подписали Меморандум о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве. Документ предполагает формирование консультативных советов в сферах высшего образования и науки, которое в силу различных обстоятельств, до сих пор не завершено [3, 47-58].

Таким образом, несмотря на очевидную необходимость интеграции в сфере образования для достижения базовых целей экономической интеграции в рамках ЕАЭС, из-за отсутствия поддержки со стороны Казахстана эта сфера является компетенцией ЕАЭС только в той части, которая касается прав трудящихся в рамках общего рынка труда. Насколько можно судить, для образовательной политики нынешних властей Казахстана приоритетом остается интеграция в глобальное англоязычное образовательное пространство, что в кратко- и среднесрочной перспективе делает маловероятным принятие решения в ЕАЭС ввести образование в качестве сферы общей политики или общего рынка услуг.

Основными направлениями развития единого пространства образования взрослых в СНГ становится совершенствование нормативно-законодательной базы, регулирующей интеграционные процессы, подготовка и аттестация научно-педагогических кадров, признание эквивалентности документов об образовании, расширение межгосударственного информационного пространства, тиражирование эффективных образовательных практик. Отметим, что документы, касающиеся сотрудничества в

гуманитарной сфере, принятые в первые годы существования СНГ, носили преимущественно декларативный характер без четкого определения механизма выполнения закрепленных обязательств [15, 58-63].

Резюмируя выше изложенное можно сказать, что все происходящие интеграционные процессы образовательной среды евразийского пространства имеют перспективу. Хотя есть определенные трудности в создании единого пространства, но они разрешимы. Ведь именно образовательная сфера является важным аспектом сотрудничества между странами СНГ, в рамках действующих проектов, например для ЕАЭС единая образовательная среда - это инструмент во многом определяющая экономическое развитие стран союза, его конкурентоспособность, а также переход экономик от сырьевого к инновационному типу развития. Говоря о перспективах единого образовательного пространства, можно определить его как результат длительного исторического, духовного, экономического взаимодействия. Функционирование славянских университетов в странах СНГ, создание УШОС, вхождение в Болонский процесс – это все является интеграцией в области образования на евразийских просторах. И можно делать вывод, создание единого образовательного пространства будет способствовать более эффективному использованию потенциала национальных систем образования, их развитию, повышению качества подготовки конкурентоспособных кадров, отвечающих требованиям современного рынка труда, росту экономики, и т.д.

Литература

1. Айбазова Н.В. Ф.У. Сотрудничество стран - участниц СНГ в области образования // Вестник РУДН, серия История России. 2008. №3. С.98-106.
2. Багирова, И.Х. Интеграционные процессы в системе высшего образования на пространстве СНГ // Вестник РУДН, серия Экономика. 2014. № 4. С.135-144.
3. Байденко, В.И. Некоторые тенденции развития систем высшего образования в странах СНГ // Высшее образование в России. 2010. № 5. С.47-58.
4. Байнев, В.А. Проблемы интеграции образования стран участниц СНГ и Западной Европы // Интеграция образования. 2002. №1. С.18-23.
5. Краснова Г.А., Сюлькова Н.В. Информатизация образования и дистанционное обучение в государствах-участниках СНГ: нормативно-правовые аспекты // Вестник РУДН, серия Информатизация образования. 2007. №1. С. 9-20.
6. Манахов, С.В., Зуев В.М. Основные направления формирования единого образовательного пространства в рамках Евразийского экономического союза // Вестник НГУЭУ. 2016. №2. С. 40-48.
7. Мариносян, Т.Э. Деятельность славянских университетов как фактор укрепления единого гуманитарного и образовательного пространства государств-участников СНГ // Новые исследования в образовании.- Проблемы современного образования. 2014. № 4. С. 79-85.
8. Мясников, В.А. Формирование единого пространства непрерывного образования стран СНГ как проблема современной педагогической науки // Сборник статей. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. М., 2014.
9. Русак, Е.С. ЕАЭС как площадка для реализации совместных образовательных программ // Международное сотрудничество. 2016. №10. С.60-63.
10. Чавыкина, М.А. Предпосылки формирования единого образовательного пространства государств-членов ЕАЭС // Новый университет.-Экономика и право. 2016. № 10. (68). С. 51-53.
11. Университет ШОС: мы возвращаемся в общее образовательное пространство // URL: <http://sibkrai.ru/news/54/31488> Дата обращения 10.02.2018г.

12. Щербатюк, Д.В. Роль университетов ШОС в интеграционных процессах в сфере образования на евразийском пространстве в 2008-2012 гг.// URL: ukros.ru/wp-content/uploads/2013/12/щербатюк.doc Дата обращения 10.02.2018г.
13. Юн, С. Перспективы интеграции в сфере образования В ЕАЭС к 2025 году // Рабочая тетрадь, спецвыпуск. 2017.
14. Якушкина, М.С., Пшенко К.А. Международные образовательные связи как фактор формирования единого социокультурного пространства стран Содружества // Вестник ПСТГУ IV: педагогика психология. 2012. Вып. 4 (27). С.58-63.
15. Якушкина М.С. Илакавичус М.Р., Будай Л.П. Диверсификация маршрутов неформального образования для разновозрастных сообществ в условиях развития СНГ // Человек и образование. 2013. № 3. (36). С. 68-71.

Жылдызбек кызы Айкерим

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИЮ В РАМКАХ ЕАЭС

В статье рассматриваются вопросы трудовой миграции в рамках ЕАЭС, какие проблемы у членов-государств, вступивших в Союз и какова цель данного проекта в условиях интеграции. Как известно, 23-декабря 2014 года подписан Договор о вступлении Кыргызстана в Евразийский экономический союз. Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) вступил в силу с 1 января 2015 года. Эксп-Президент Алмазбек Атамбаев 8 мая 2015 года в Москве подписал протоколы к договору о вступлении Кыргызстана в Евразийский экономический союз. Исторические документы завизировали президент Армении Серж Саргсян, глава Беларуси Александр Лукашенко, лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев и президент России Владимир Путин.

Договор обозначил переход евразийского экономического проекта на новый, более глубокий уровень интеграции, целью которого является обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Союз создан в целях всесторонней модернизации, кооперации, повышения конкурентоспособности национальных экономик и формирования условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня, населения государств – членов. В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе (далее Договор) и международными договорами в рамках Союза. Договор основан на кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза. В иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными принципами и целями Союза.

Для эффективного функционирования и развития Союза была учреждена Евразийская экономическая комиссия (далее Комиссия) – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган Союза, который формируют Совет Комиссии и Коллегия Комиссии. ЕЭК принимает нормативно-правовые решения, обязательные для

государств-членов, издает организационные распоряжения, а также рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов. Важнейшая особенность Комиссии заключается в том, что все ее решения принимаются на коллегиальной основе.

Решения, распоряжения и рекомендации Совета Евразийской экономической комиссии принимаются консенсусом, что исключает возможность доминирования какого-либо государства. Если хотя бы одно государство несогласно, то решение не принимается. Деятельность ЕЭК структурирована по функциональным направлениям, которые курируют члены Коллегии (министры). Каждое направление представляет собой блок из отраслей и сфер экономической деятельности.

Вопросы передвижения трудовых ресурсов относятся к компетенции отдела «Трудовая миграция» Департамента развития предпринимательской деятельности ЕЭК. Отдел осуществляет мониторинг и контроль за ходом реализации государствами-членами Договора в сфере трудовой миграции, Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19 ноября 2010 года, а также контроль за разработкой двусторонних договоров. Отдел проводит мероприятия, направленные на обеспечение информированности трудящихся путем публикаций в СМИ, презентаций в рамках международных конференций, участия в форумах и семинарах в целях развития международного сотрудничества.

Евразийская экономическая комиссия в сфере трудовой миграции в рамках процесса евразийской интеграции смогла достигнуть решающих результатов по обеспечению свободы передвижения трудовых ресурсов и наладить сотрудничество с мировыми и региональными организациями.

Договор о ЕАЭС значительно расширил права граждан государств-членов при осуществлении ими трудовой деятельности на территории Евразийского экономического союза.

Так, в отношении трудящихся не применяются ограничения, установленные законодательством государств-членов в целях защиты национального рынка труда. Это значит, что трудящиеся имеют право работать во всех сферах деятельности, за исключением отраслей экономики, имеющих стратегическое значение, государственной службы, правоохранительных органов. Отменены квотирование и обязательные разрешения на работу.

Кроме того, граждане государств-членов, прибывшие в одну из стран Союза для занятия трудовой деятельностью, имеют право не регистрироваться в течение 30 суток, а в дальнейшем, после заключения трудового или гражданско-правового договора, они встают на учет, на срок действия такого договора.

В целях расширения сферы возможного трудоустройства гражданам государств-членов предоставлена возможность трудиться не только по трудовому, но и по гражданско-правовому договору. Доходы трудящихся с первого дня работы облагаются налогом по такой же ставке, что и доходы граждан государства трудоустройства.

Трудящиеся имеют право на занятие профессиональной деятельностью в соответствии со специальностью и квалификацией, указанными в документах об образовании. При этом Договором о Союзе закреплены вопросы прямого – без каких-либо дополнительных процедур – признания документов об образовании для осуществления трудовой деятельности. Исключением является трудовая деятельность в медицинской, фармакологической, педагогической и юридической сферах, где такие процедуры признания необходимы.

Трудовой, в том числе страховой, стаж трудящихся, приобретенный на территории государства трудоустройства, засчитывается в их общий трудовой (страховой) стаж, что очень важно для получения социальных пособий.

Если трудящийся по каким-либо причинам досрочно расторг трудовой или гражданско-правовой договор и при этом прошло больше 90 суток с даты его въезда, он имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор.

Рассмотрим порядок осуществления трудовой деятельности трудящимися из Кыргызской Республики в Российской Федерации до и после вступления Договора о Союзе в силу.

До вступления Договора о ЕАЭС в силу трудящиеся могли находиться на территории Российской Федерации без регистрации в течение 7 дней с даты въезда. Им требовалось приобрести медицинскую страховку, пройти медицинский осмотр, сдать экзамен на знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, приобрести патент на право осуществления трудовой деятельности. Срок их временного пребывания определялся сроком действия патента.

После вступления Договора о Союзе в силу трудящиеся могут находиться на территории Российской Федерации без регистрации в течение 30 дней с даты въезда. Больше нет необходимости приобретать медицинскую страховку, патент, сдавать экзамены. Трудовая деятельность осуществляется на основании заключенного трудового или гражданско-правового договора. Срок временного пребывания трудящегося определяется сроком действия трудового договора.

Немаловажен тот факт, что и члены семьи трудящегося теперь имеют законное право находиться в России в течение периода действия трудового или гражданско-правового договора трудящегося. Таким образом, в сфере трудовой деятельности снята значительная часть ограничений по допуску на общий рынок труда граждан государств-членов.

Со вступлением в силу Договора о ЕАЭС трудящимся государств-членов гарантировано прямое признание документов об образовании. Договор о Союзе в данном случае закрепил право работодателя на признание документов об образовании, которое было ранее закреплено в ряде соглашений, заключенных между правительствами стран ЕАЭС на двусторонних и многосторонних уровнях.

Таким образом, в целях осуществления гражданами стран Союза трудовой деятельности признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании.

С целью формирования общего рынка труда в Договоре о ЕАЭС задекларирована выработка общей политики в сфере трудовой миграции, в том числе по предоставлению социального обеспечения, для трудящихся граждан Союза, зачету трудового (страхового) стажа и экспорту пенсий. Договором о Союзе предусмотрено, что социальное обеспечение (социальное страхование) трудящихся стран ЕАЭС и членов их семей осуществляется на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства. При этом под социальным обеспечением (социальным страхованием) понимается обязательное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и обязательное медицинское страхование. Договором о Союзе определено, что весь трудовой стаж, в том числе страховой, трудящихся государств-членов засчитывается в их общий трудовой (страховой) стаж в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Таким образом, трудовой (страховой) стаж трудящегося будет учитываться при расчете пособий в другом государстве-члене. Уполномоченными органами государств-членов в социальной сфере в Республике Армения являются: Министерство труда и социальных вопросов, Государственная служба социального обеспечения Министерства труда и социальных вопросов, Министерство здравоохранения. В Республике Беларусь это Министерство труда и социальной защиты, Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты,

Министерство здравоохранения. В Республике Казахстан это Министерство здравоохранения и социального развития, Республиканское государственное казенное предприятие «Государственный центр по выплате пенсий» Министерства здравоохранения и социального развития, Акционерное общество «Единый накопительный пенсионный фонд», Министерство здравоохранения и социального развития. В Кыргызской Республике это Министерство социального развития, Министерство труда, миграции и молодежи, Министерство здравоохранения, Социальный фонд.

В Договоре о Союзе закреплено право трудящихся государств-членов на получение медицинской помощи на территориях стран ЕАЭС.

Во-первых, в каждом государстве – члене Евразийского экономического союза трудящиеся и члены их семей имеют право на получение бесплатной медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах) наравне с гражданами государства трудоустройства и независимо от наличия медицинского страхового полиса.

Во-вторых, в отдельных государствах-членах у трудящихся есть право на получение медицинских услуг по обязательному медицинскому страхованию (в Кыргызской Республике, Российской Федерации, с 1 января 2017 года – в Республике Казахстан).

Таким образом, Договор о Союзе уравнивает трудящихся и членов семей с гражданами государства трудоустройства в праве на получение медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах), т.е. предоставляет так называемый национальный режим. При этом возмещение затрат медицинской организации на оказание такой помощи осуществляется за счет соответствующего бюджета государства трудоустройства.

В настоящее время одним из основных направлений развития интеграции является устранение барьеров на пути передвижения рабочей силы. Отсутствие или недостаточная правовая урегулированность вопросов пенсионного обеспечения при осуществлении трудовой деятельности в других государствах-членах является сдерживающим фактором при формировании общего рынка труда. В этой связи вопрос пенсионного обеспечения трудящихся на территории стран ЕАЭС является крайне актуальным.

На сегодняшний день в государствах-членах действуют разные пенсионные системы. Основное отличие заключается в разных подходах к финансированию пенсионной системы и распределению пенсионных средств. Кроме того, системы пенсионного обеспечения отличаются структурно: по пенсионному возрасту, размерам, источникам пенсионных отчислений и другим параметрам. Проблемными являются вопросы, возникающие с переводом и сохранением пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств-членов из одной страны в другую.

Комиссия ведет работу в сфере трудовой миграции с учетом передовых международных практик. В рамках своей деятельности ЕЭК на постоянной основе анализирует международное законодательство, опыт зарубежных стран и интеграционных объединений в сфере трудовой миграции, выстраивает взаимоотношения с ведущими международными организациями в сфере миграционной политики и трудовой миграции.

Миграционные потоки между странами ЕАЭС различны по своей интенсивности и направленности, что связано, прежде всего, с уровнем экономического развития страны, состоянием национального рынка труда и демографической ситуацией. По экономическому положению, непосредственно влияющему на экономическую (трудовую) миграцию, страны Союза подразделяются как минимум на две группы по тем пороговым значениям, которые установлены в работе Всемирного банка (далее – ВБ).

В первую группу входят Армения и Кыргызстан, которые относятся к странам с «низким средним доходом» (1026-4035 долл. США на душу населения с учетом ППС) по терминологии ВБ.

Вторая группа стран с «верхним средним» уровнем дохода (4036-12 475 долл. США) очень разнородна, и в нее входят Беларусь, Казахстан и Россия.

Трудовая возвратная миграция из первой группы стран в страны второй группы связана с потребностью заработков, получения дополнительных доходов, что поднимает уровень жизни семьи, родственников, домохозяйства на родине – в стране «выхода» мигранта. При этом в зависимости от трудовой миграции, как считают американские ученые, страны делятся на богатые и бедные. Страна «входа» мигранта, заинтересованная в его рабочей силе, должна обеспечивать для легальных мигрантов в соответствии с международно принятыми нормами возможность беспрепятственных денежных переводов и гарантии в отношении всех видов социального страхования, принятого в стране «входа».

Мы позволим себе употреблять термины «страны входа» и «страны выхода» мигрантов, как это принято в отечественных и западных работах, в отличие от терминологии Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который вводит два синонимичных по отношению к трудовым мигрантам понятия «страны въезда» и «страны трудоустройства», но не вводит термин «страны выезда». Необходимо отметить, что фактор «доходы» играет различающуюся роль по влиянию на экономическую миграцию. Если различия в реальной среднемесячной заработной плате влияют на иммиграцию квалифицированной рабочей силы — притягивают ее в страны с более высокой оплатой труда, то уровень бедности выталкивает на иностранный рынок труда малоквалифицированных и низкоквалифицированных работников, которые готовы трудиться за минимальную оплату труда, позволяющую семье на родине мигранта избегать нищеты или состояния крайней бедности.

За пределами республики трудовую деятельность осуществляют от 650 до 750 тысяч граждан Кыргызской Республики. По данным Государственной службы миграции КР, в Республике Казахстан пребывают 113 тысяч граждан Кыргызстана, в Южной Корее – 15 тысяч, в Турции – 14 тысяч, в других странах дальнего зарубежья до 30 тысяч. Значительная часть наших соотечественников (свыше 95%), осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, работают на территории государств – членов ЕАЭС. Наибольшее число кыргызстанцев пребывает в Российской Федерации. Согласно данным ФМС РФ, их количество к концу 2015 года составило 540 тыс. человек

Каждое четвертое домохозяйство (26%) имеет как минимум одного трудового мигранта. Преимущественно (47%) это молодые люди в возрасте 18-29 лет. В целом 75,8% мигрантов – мужчины и женщины до 35 лет. Больше половины трудовых мигрантов обоего пола (около 60%), обладают семейным статусом.

Вопрос миграции – это чуть ли не самый важный вопрос, решаемый в рамках интеграционного проекта ЕАЭС. По крайней мере, для таких стран, как Армения и Кыргызстан, где высок уровень безработицы и трудовая миграция давно стала нормой государства. По неофициальным данным в России постоянно пребывают порядка полутора миллионов кыргызстанцев, что составляет примерно четверть всего населения страны. Сегодня, рассматривая вопрос вступления в Евразийский экономический союз, власти Таджикистана также основным доводом в пользу проекта называют преимущества для мигрантов.

Среди граждан стран Центральной Азии только кыргызстанцы продолжают приезжать на работу в Россию докризисными темпами. Все дело в привилегированных условиях, говорит ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС Юлия Флоринская [12].

"Число кыргызов в России растет и будет расти до упора, потому что они находятся в льготных условиях. В августе 2015 года Кыргызстан вступил в ЕАЭС, и гражданам этой страны больше не нужно оформлять разрешение на работу. С того момента численность граждан КР на территории России постоянно растет. Чиновники из МВД России пытаются остановить этот поток, но пока безрезультатно. Одно из предложений – штраф за отсутствие договора. Потому, если у узбека или таджика нет патента, значит, он не оформил возможность легально работать. А к кыргызу не придерешься – встал на

миграционный учет, и все. По идее граждане Кыргызстана должны работать по трудовым договорам и отсылать в соответствующие органы уведомления, но эта забота ложится на плечи работодателей, а они не спешат это делать", – пояснила Ю. Флоринская [12].

В таких же привилегированных условиях находятся граждане еще трех стран ЕАЭС – Беларуси, Казахстана и Армении, однако, согласно мониторингу, они также больше не спешат перебираться в Россию, отметила она.

Рост трудовой миграции из Кыргызстана в Россию действительно будет только расти. Отметим, что Международный валютный фонд (МВФ) предсказал усиление миграции в Россию граждан Армении и Кыргызстана. Они обуславливают это облегчением въезда в Россию для граждан ЕАЭС. Граждане Армении и Кыргызстана, как члены ЕАЭС, недавно получили право на работу в РФ без специального разрешения. Белорусские и казахстанские граждане уже обладали этой привилегией.

Это объясняется тем, что в нашей республики решение проблем с безработицей остается самой ключевой в социально – экономическом плане. Далее, благодаря вступлению в ЕАЭС, Кыргызстан получил преференции именно в плане трудовой миграции в РФ. Как известно, теперь нашим гражданам не надо получать патенты и специальные разрешения на работу. Отменены экзамены на знание русского языка, культуры, истории и законодательства РФ. Согласно официальной статистике рост трудовой миграции за первое полугодие 2016 года из КР в РФ составил не менее 30%. Хотя 2014-2015гг наблюдался снижение сумм банковских переводов в долларах США в Кыргызстан из-за экономического кризиса в РФ. Уровень зарплат в России все равно на порядок выше, чем в нашей республике. Поэтому потоки трудовой миграции будут увеличиваться в ближайшие годы.

Если говорить о реальности, то положительных сдвигов, конечно, много. Но и проблемы остаются. И связано это с тем, что в РФ сохраняется массовый бюрократизм. Кроме того, даже специалисты еще до конца разобрались в тонкостях евразийского миграционного законодательства. Плюс в России произошла реформа – расформировали ФМС, а все ее полномочия передали МВД. Еще одна проблема – это незнание миграционного законодательства самими мигрантами. Поэтому во время переходного периода у мигрантов проблем не мало. Социальные вопросы пока ещё остро стоят. На местах ещё не знают об изменениях, и нужно время, чтобы все заработало в полную силу.

Большинство трудовых мигрантов не осознают свои права, которые дает им членство Кыргызстана в ЕАЭС. Далеко не все знают о новых возможностях и о правах гражданина Евразийского Союза. Нужно время, чтобы интеграция углубилась. Немаловажную роль в этом должно играть дипломатическое представительство Кыргызстана в России. Уход «старой» команды из посольства – это тоже своего рода препятствие к осознанию мигрантами их новых прав. Специалисты посольства, которые сейчас уехали, почти восемь лет налаживали систему взаимодействия с властями РФ, а новая команда пока только налаживает связи.

Не знание, русского языка – это одна из первостепенных проблем. Не знание русского языка мешает им не только устанавливать добрые отношения с местным населением, это препятствует их трудоустройству, взаимодействию с государственными структурами и влечет массу других проблем. Проблема встает все острее и острее, особенно среди мигрантов из южных регионов Кыргызстана. При этом, их большинство среди тех, кто приезжает работать в Россию.

Основной проблемой для формирования общего рынка труда и перемещения рабочей силы через национальные границы в рамках ЕАЭС будут различия в системах социальных отчислений из фонда оплаты труда и из заработной платы, которые носят не просто количественный, но во многих случаях даже качественный характер. Так, в Казахстане и Кыргызстане основным источником отчислений в пенсионный фонд является работник, в то время как в других странах ЕАЭС отчисления работника ничтожны (1%) или даже отсутствуют (Россия).

Соответственно процесс унификации законодательств – сложный и длительный, но без их выравнивания возникающие коллизии не позволят свободно развиваться общему рынку труда в соответствии с потребностями экономики и работников (включая потребности их семей) и соответственно будут тормозить интеграционное сближение экономик, которое более других может способствовать росту среднего уровня жизни. Проблема различий в возрасте выхода на пенсию, на наш взгляд, имеет менее актуальные последствия и может быть решена методическими приемами, за исключением гендерных различий. Но в этой проблеме, имеющей, прежде всего, исторический характер, страны идут обще-цивилизационным путем. Исходя из общенациональных особенностей и гибкости государственной политики эта проблема будет решаться с разной скоростью, но с неминуемым приходом к одному знаменателю – равенству полов через равенство в возрасте выхода на пенсию.

Оценка современных миграционных потоков внутри ЕАЭС и тем более их прогнозы в период рецессивных экономических явлений в крупнейших экономиках ЕАЭС, прежде всего России, различается у специалистов в зависимости от преследуемых целей. Так, представители ЕАБР считают, что создается единая система учета и контроля трудовой миграции и количества отработанных лет в разных странах, т.е. между пенсионными фондами налаживается эффективная коммуникационная система для быстрого обмена информацией. Прямо противоположный вывод делают Е. Винокуров и А. Либман: «Меньшая степень интеграции наблюдается в области миграции», хотя они также считают, что евразийская интеграция могла бы стать ключевой силой экономического развития на континенте за счет интеграции в области потоков рабочей силы» [11].

Итак, в России мигранты работают в основном в сфере обслуживания: повара, официанты, парикмахеры, мастера маникюра, таксисты, продавцы и т.д. В этих сферах больше возможностей для заработка. Есть отдельная категория, это бизнесмены на строительных и вещевых рынках.

Наши политики говорят, что в последнее время вырос уровень, так называемой интеллектуальной миграции, т.е. в Россию едут не только разнорабочие и представители сферы услуг, но и высококвалифицированные специалисты с высшим образованием, потому что теперь Россия признает кыргызские дипломы.

По законодательству ЕАЭС, это действительно так. По большинству специальностей не нужно подтверждать дипломы – они котируются в России и других странах Союза. Но мне кажется, что это не повод для оптимизма. По крайней мере, со стороны кыргызских чиновников. Хорошо, что специалисты становятся востребованными в России, Казахстане. Но! В Кыргызстане-то работать некому.

Интеллектуалы начали уезжать уже давно, просто заговорили об этом только тогда, когда проблема встала более остро. Например, на юге Кыргызстана уже давно сложно найти специалистов на многие позиции. Врачи, учителя из целых районов уехали на заработки. В последнее время уже и из северных районов республики, и из столицы специалисты уезжают на заработки. В Кыргызстане вообще остро стоит вопрос кадров, поэтому политики и начали обращать внимание на данную проблему.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года) // URL: <http://eaeunion.org/#info> Дата обращения 09.04.2017г.
2. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе (Москва, 23 декабря 2014 года) // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635552106404806253.pdf> Дата обращения 05.04.2017г.

3. Концепция международного договора о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения (Москва, 12 ноября 2014 года, Решение № 103) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/420234017> Дата обращения 09.08.2017г.
4. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Международной организацией по миграции (Женева, 12 апреля 2013 года) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/499020425> Дата обращения 09.04.2016г.
5. Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения (Москва, 13 января 1992 года) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900432> Дата обращения 04.04.2016г.
6. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 года) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289303>.
7. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 года) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902289299> Дата обращения 19.03.2017г.
8. Таможенный кодекс Таможенного союза (Минск, Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17) // URL: http://www.tks.ru/codex_ts Дата обращения 09.03.2018г.
9. Алиев, С. Трудовая миграция в рамках ЕАЭС // Практика интеграции – ЕЭИ. 2015. №4 (29). С. 65-72.
10. Всемирный банк: Новая классификация стран. URL: <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2013/07/02/new-country-classification> Дата обращения: 15.08.2016 г.
11. Винокуров Е., Либман А. - Две евразийские интеграции. Вопросы экономики. 2013. №2.
12. Флоринская Ю. Работодатели и трудовые мигранты: взаимодействие на фоне кризиса. Доклад на XVII-й Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // URL: <https://www.ranepa.ru/social/news-social/doklad-yulii-florinskoj-na-konferencii-niu-vshe> Дата обращения 20.02.2018г.
13. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в евразийском экономическом союзе // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/spreads.pdf> Дата обращения 09.04.2017г.

Бугазов А.Х.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Распад Советского Союза, процесс социальной интеграции и глобализации на постсоветском пространстве привел к тому, что «советская» система воспитания и обучения уступила свое место новым формам образования. Можно спорить о плюсах и минусах сложившейся ситуации, но это свершившийся факт. Сложилась новая реальность, в условиях которой мы осуществляем свою преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность. При этом главное даже не в том, что в обществе поменялись идеологические ценности, которые долгое время составляли основу отечественной философии образования. Идеология может меняться, что в истории всегда и происходило. Но это не меняло, по крайней мере существенно, понимание обществом места и роли образования в жизни человека.

Сегодня в обществе, помимо качественно иной социальной реальности, складывается новый образовательный дискурс, содержание которого определяется наличием ряда вопросов как общего, так и частного характера. К их числу относится вопрос формирования нравственных принципов в сознании учащихся. Известно, что в процессе обучения, начального или высшего профессионального, помимо усвоения новых знаний одновременно происходит и становление личности учащихся, формирование их мировоззрения, одним из элементов которого является система нравственных ценностей.

В прежней, «советской», системе образования содержание учебных планов, программ, по которым велось обучение, да и структура самих учебных заведений на всем пространстве единой страны были ориентированы не только на приобретение знаний, но и на выработку определенных мировоззренческих принципов, ценностных ориентаций. Этой цели была посвящена основная часть воспитательной работы в учебных заведениях всех уровней: средних, средне-специальных и высших. Довольно точно и несколько иронично об этом сказал известный советский и российский писатель Ю. Поляков: «Образование – основа основ любой социальной системы. И базовый советский миф закладывался в головы юных граждан именно в школе. Впрочем, при любом строе... учитель, в особенности преподаватель словесности или истории, волей-неволей становится бойцом идеологического фронта» [1, 56].

Полагая, что такой подход к организации образования носит больше идеологический, чем собственно образовательный характер, место, роль, значение и, главное, содержание гуманитарных дисциплин после распада Советского Союза радикально изменилось.

Что имеется в виду: сокращение или ликвидация соответствующих штатных единиц, часов, кафедр социально-политических и гуманитарных дисциплин. Многие предметы гуманитарного цикла оказались невостребованными. Были сведены к минимуму или вовсе исчезли из учебных планов такие дисциплины как этика, эстетика, культурология, история мировых религий, логика и многие другие. Понятно, что преподаватели данных дисциплин выполняли основную работу по формированию духовных ценностей, культуры мышления в целом не только учащихся, но и преподавательского состава. Воспитательная работа в процессе обучения таким образом была практически свернута.

Следует признать, что подобные преобразования в рамках начавшихся реформ в сфере образования на постсоветском пространстве следовало ожидать. В то время как методология познания демонстрировала возможность функционирования различных интерпретационно-моделирующих картин мира, советская государственно-административная система отвергала саму возможность существования отличных от официальной точек зрения. Убеждения, ценности, интересы учащихся должны были формироваться в рамках только одной идеологической доктрины. Изучение марксистской философии и политэкономии, истории КПСС и научного коммунизма, конспектирование произведений классиков марксизма-ленинизма было обязательным компонентом высшего образования по всем специальностям. Студенты многих вузов с иронией замечали, что предметы по основной специальности изучаются факультативно. Поэтому, отвечая на вопрос, так ли необходимо нам было менять прежнюю систему образования, следует признать, что действительно необходимо.

Не трудно предположить, что не только оппоненты, но и любой обыватель поинтересуются, каковы же результаты таких реформ. Да, результаты могли бы быть лучше. Несмотря на то, что с начала реформ прошло уже больше двух десятилетий, мы по-прежнему имеем систему образования, в частности высшего, в несколько «разобранном» и неопределенном состоянии. Относительно недавно перестал функционировать старый, «советский», образовательный стандарт по подготовке специалистов, и осталась новая – т.н. Болонская система по подготовке бакалавров,

магистров и ученых исследователей с квалификационной степенью «доктор философии» (Phd).

Как отмечалось раньше, вопрос не в том, какая система «лучше» или «хуже». При объективном подходе везде можно найти и достоинства, и недостатки. Дело в том, что Болонская система сформировалась в своей социокультурной среде, у нее своя предыстория и своя философия. Европейские образовательные программы, как известно, носят достаточно рациональный характер, и преподавание тех или иных дисциплин не ставит себе в качестве особой задачи формирование нравственных качеств у учащихся.

Можно предположить, что само содержание гуманитарных дисциплин предполагает формирование определенных ценностей при их изучении. Однако в реальности кредитно-модульная система образования требует от преподавателя прагматично-рационализированного подхода к изложению учебного материала и критериям его оценки.

Например, общеобразовательный курс «философия» предполагает наличие четырех модулей. По времени каждый модуль – это примерно четыре практических занятия, в каждом из которых должно быть четко расписано, сколько баллов и за что может получить студент в процессе обучения: активность на семинаре, посещаемость занятий, и т.д. Предполагается, что при таком подходе студент может и должен четко представлять, что от него требуется для получения максимальной оценки. Нравственной составляющей в оценке знаний студента в данной системе координат просто не остается места. Собственно говоря, именно такого студента – прагматичного, рационально мыслящего, умеющего ясно и точно определять, что конкретно он должен сделать для достижения своей цели, Болонская система образования и формирует.

Безусловно, все указанные характеристики весьма желательны и востребованы в обществе с рыночной экономикой, и в этом нет никакой иронии. Дело в том, что в такой парадигмальной схеме мы пытаемся теперь решить проблему сочетаемости чисто образовательных задач с процессом формирования мировоззренческих ценностей в сознании учащихся. Формально при составлении рабочей программы, технологической карты дисциплины, преподаватель может указать желаемые нравственные качества как один из критериев оценки или элемент необходимых компетенций. Однако в реальности формирование ценностных ориентаций не поддается никакой формализации и остается за рамками учебного процесса и, следовательно, сферой интересов студентов. Таким образом, задача воспитания нравственных ценностей в процессе обучения становится личным делом преподавателя.

Парадоксальная ситуация, но она вполне закономерна. Целый ряд обстоятельств объясняет ее возникновение. Прежде всего, *платное образование*, которое напрямую связывает финансовое состояние вуза и преподавателя персонально с его принципиальностью в оценке знаний студентов. Стремление к финансовому благополучию обуславливает появление другой проблемы – «массовизации» образования, которая снижает требования к подготовке абитуриентов, их способности воспринимать сложную картину современного мира. В то же время право выбора учебных курсов деканатом, кафедрой или студентом создает ситуацию, когда преподаватель помимо прочего должен *понравиться* своим «избирателям», что в сочетании с возможностью оказаться «героем» социальных сетей во всемирной паутине благодаря современным средствам коммуникации и их доступности делает эту ситуацию необратимой.

Произошла смысловая трансформация самого понятия «преподаватель»: из наставника, учителя, интеллигента – носителя нравственных ценностей он превратился в поставщика образовательных услуг. Термином «образовательные услуги» активно пользовался прежний министр образования РФ Андрей Фурсенко. В 2008 году он прямо утверждал, что «российская система образования должна быть ориентирована на потребителей образовательных услуг». В 2009 году министр поручил своим подчиненным разработать стратегию развития экспорта образовательных услуг России и т.д.[2]. С тех

пор прошло немало времени, в России и Кыргызстане сменился ни один министр образования, но в качественном отношении статус преподавателя существенно не изменился. Он по-прежнему остается работником «сферы услуг», и его основная роль – быть транслятором определенной информации. Понятно, что в таком положении трудно рассчитывать на эффективную и искреннюю работу преподавателя, направленную не только на получение студентами профессиональных «знаний, умений и навыков», но и нравственных основ мировоззрения. Тем более что последнее никак не предусмотрено ни учебными планами, ни контрактами о предоставлении «образовательных услуг». Таким образом, важнейший компонент образовательного процесса – нравственное воспитание – оказывается во власти личных предпочтений и инициатив преподавателя.

В профессиональном сообществе по этому поводу уже давно идет дискуссия, должен ли преподаватель быть для студентов наставником, нести не только формальную сумму знаний, но и влиять нравственно, ценностно, духовно. Может ли преподаватель (особенно гуманитарных, социально-политических дисциплин) в процессе обучения высказывать свою личную позицию и пытаться убедить своих учеников в ее правильности или, напротив, должен минимизировать влияние собственной личности на образовательный процесс, вести изложение материала отстраненно, максимально обезличено?

Длительность дискуссии, невозможность получить однозначный ответ дает основание подумать о том, что мы, может быть, излишне драматизируем ситуацию. К тому же Болонская система успела положительно зарекомендовать себя в Европе, и пока никто не собирается от нее отказываться. Это так, но европейская модель образования имеет свою социокультурную основу, которую нельзя механически заменить на другую, и, несмотря на свою унификацию, она не вступает в противоречие с национально-историческими особенностями построения учебного процесса в различных европейских странах.

«Воспитательный» элемент в Болонской системе, в ее аутентичной «европейской» форме, если и проявляется, то в основном в процессе формирования гражданских качеств у учеников и их социальной адаптации. И то и другое является важной составной частью американско-европейского или, как у нас говорят, «западного» образа жизни в целом. Конечно, нравственное воспитание не игнорируется полностью, но оно, по оценкам общественного мнения, должно оставаться прерогативой семьи; гражданского сектора, религиозных учреждений и т.п. В принципе, практика применения Болонской системы весьма широка, можно встретить различные учебные заведения, где присутствует нравственное воспитание. Например, религиозные учебные заведения, военные академии, школы искусств и другие. Однако все они осуществляют свою деятельность в соответствии со своей сложившейся философией образования.

Если рассуждать о наших образовательных традициях, участие семьи в учебном процессе, во всяком случае – при получении молодым человеком высшего образования, носило редкий и фрагментарный характер. В течение прошедших лет попытки перестроить систему воспитания в образовательном процессе, конечно, были. В частности в 1990-е годы активно пропагандировалась мысль о том, что учебные заведения вообще не должны воспитывать, а только давать сумму знаний, необходимых для практической жизни. Воспитывать и формировать учеников должна семья. Многие преподаватели так и сегодня считают, в то время как многие родители по сложившейся привычке апеллируют к педагогам, полагая, что воспитание учащихся, формирование их мировоззрения – это одна из основных функций учебного заведения. В результате создается впечатление, что учащиеся, особенно школьники, просто «повисли» между учебным заведением и родителями.

Гражданское образование в советском обществе осуществлялось в рамках идеологических дисциплин – научного коммунизма, марксистской философии и т.д. Самостоятельного статуса оно не имело, и сегодня в учебных планах нет ни гражданского

образования как самостоятельного предмета, ни соответствующих «идеологических» дисциплин. Иногда встречающиеся курсы по подобной проблематике, как правило, носят факультативный характер и не меняют картины в целом.

Религиозные учреждения, как известно, из учебного процесса были исключены полностью, а их современное вторжение в сферу нравственного воспитания молодежи пока вызывает больше беспокойства, чем удовлетворения.

Между тем, как известно, сознание людей, в первую очередь молодежи, не остается «пустым». Вместо одних норм и правил возникают другие, часто не имеющие ничего общего с научными взглядами и представлениями.

Множество процессов в сфере экономики, политики, культуры в условиях межкультурной коммуникации и глобализации требуют глубокого понимания и разъяснения, которое, в свою очередь, невозможно без определенной системы ценностей, философской методологии.

В условиях межкультурной коммуникации и интеграции возникает целый ряд вопросов, связанных с сочетанием образовательного процесса с воспитанием нравственных ценностей в сознании учащихся.

С одной стороны, государство, общество не могут находиться в стороне от интеграционных процессов. Утверждать обратное может означать лишь движение к самоизоляции и в конечном итоге – стагнации общества. В этой связи мы говорим о толерантности, межкультурной коммуникации, полиэтничности образования и т.д. [3,188-192]. Хотя надо признать, все перечисленные категории в настоящее время больше создают проблем, чем решают их.

С другой стороны, в нашей образовательной системе до сих пор не сложилась эффективная система воспитательной работы с учащимися, а то, что мы имеем в этой сфере, не обладает достаточными материальными и интеллектуальными ресурсами. Более того, сама необходимость такой работы постоянно находится под вопросом.

Самое главное, как представляется, в нашем обществе нет собственной философии образования, которая определяла бы его методологию, цели и смысл учебного процесса на всех его уровнях. Ведь «образование, - как справедливо утверждает известный психолог и педагог А.Г. Асмолов, – это не просто педагогика, это идеология будущего». [4,65-86]

Как следствие, ни профессиональное сообщество, ни специалисты в сфере управления образованием не могут найти адекватный ответ на ряд существенных вопросов, которые должны определять основу, характер и направленность работы преподавателя. Например, вопросы, связанные с оценкой научно-исследовательской и преподавательской деятельности, балльной системой, индексами цитирования, активностью на конференциях, мобильностью преподавателей и т.д. Интересно по данному поводу высказался декан философского факультета МГУ В.В. Миронов. В частности он вполне обоснованно утверждал, что «применение наукаметрики к ученому-преподавателю не соответствует нашим условиям труда», а сложившаяся система образования плохо стыкуется с нашей «национально-культурной спецификой преподавания» [5].

Помимо сказанного есть и другая проблема – отсутствие новой философии образования. Вследствие чего большинство специалистов оказалось в «методологическом вакууме» и некой идеологической неопределенности. Все больше и больше преподавателей задается вопросом, в чем именно заключается социальный смысл их профессиональной деятельности. Рассмотрим ситуацию чуть подробнее. Так, в начале 90-х годов прошлого столетия с момента обретения независимости в Кыргызстане за короткий срок были открыты десятки новых высших учебных заведений. Как объяснял бывший в то время президент страны А.А. Акаев, в этом был и положительный момент. В отсутствии рабочих мест нужно было решить проблему с нарастающим миграционным потоком молодых людей из сел в города, «убрать молодежь с улицы». Лучше всего было включить эту массу в систему образования. Таким образом, в учебные заведения стали

принимали всех, кого можно, полагая, что дальше кто-то пойдет работать, кто-то займется собственным бизнесом, кто-то будет продолжать учиться и т.д.

Можно предположить, что первому президенту Кыргызстана такое решение проблемы казалось очень удачным. Внешне оно выглядело весьма привлекательно: в обществе снижалась социальная напряженность, в то же время доходы учебных заведений повышались за счет оплаты за обучение. Однако в реальности сложившийся порядок оказался далеко не идеальным. Стало очевидным, что новый подход к образованию не сочетается с прежней методологией обучения. Действительно, если высшее образование рассматривать как одну из форм социальной адаптации, то это одна ситуация. Если актуальной остается традиционная цель – подготовка высококвалифицированных специалистов, то здесь на первый план выступают другие задачи.

Может показаться, что одно не исключает другого. Однако это не совсем так, ибо за каждой задачей, если ее рассматривать как основную, стоит своя философия, своя методология и система ценностей. Например, в рамках Болонской системы действительно важно научить студента формулировать и решать стоящие перед ним проблемы, критически мыслить и трезво оценивать окружающую действительность, самостоятельно находить сферы применения своим способностям и т.п. Задача преподавателя здесь – скорее в том, чтобы помочь студенту определить его основные интересы, найти его призвание, а не в сумме «вложенных» в него знаний. «Все равно, больше чем компьютер знать невозможно». Важно уметь находить нужные знания и умело ими распоряжаться. Преподаватель здесь может лишь предполагать, чем именно будут заниматься его студенты в перспективе. В этой ситуации и «массовизация» с коммерциализацией образования не выглядят однозначно негативно. Напротив, законы рынка все отрегулируют – и спрос, и предложение. Формирование же социально-политических, нравственных ценностей учащихся в данном контексте выглядит как дополнительный «бонус».

В подготовке специалистов акцент всегда ставился на усвоение широкого круга как профессиональных, так и общеобразовательных знаний, практическое овладение навыками будущей профессии. Преподаватель знал, чем конкретно его ученикам предстоит заниматься в ближайшем будущем. Преподаватель и студент были нацелены на овладение обязательным объемом знаний, необходимым для предстоящей профессиональной деятельности. При этом формирование нравственных основ мировоззрения будущих специалистов являлось обязательной частью учебного процесса.

Однако в условиях массового привлечения абитуриентов, расширении сети учебных заведений подготовка специалистов не может быть везде одинаково качественной. Болонская система в принципе не предполагает подготовку специалистов, у нее другая задача – дать общие представления о той или иной сфере деятельности. «Специалисты» здесь готовятся на следующем уровне образования – магистратуре. Впрочем, это общеизвестно. Данные рассуждения были приведены лишь для демонстрации несхожести функций и задач преподавания в различных образовательных системах, вытекающих из их разных философских и социокультурных оснований.

Думается, нет необходимости доказывать важность понимания преподавателем методологических основ его деятельности для качественного обучения, поскольку перед отечественными преподавателями ставятся те же задачи, что и перед их зарубежными коллегами – формирование у учащихся способности адаптироваться к изменениям внешнего мира, к испытаниям – всему тому, что делает современного человека успешным и конкурентоспособным.

Следовательно, формирующаяся система образования нуждается не только в новых стандартах, но и новой философии образования. А это, как видно, задача не только узкопрофессиональная, но и социокультурная.

Пока достигнутый в прошлом уровень культуры общества позволяет сохранять некоторые позитивные элементы в сфере образования и нравственного воспитания

учащихся. Но как долго сохранится такая ситуация в сложившихся условиях - ответить сложно. Тот факт, что образовавшееся пустоты в образовательном процессе стремительно заполняются религиозными и прочими иррациональными представлениями, вряд ли может соответствовать интересам общества в начале XXI столетия.

При этом, о каких бы образовательных технологиях не шла речь, образовательный процесс должен включать в себя три важных элемента:

во-первых, возрождение и развитие нравственно-духовного воспитания посредством формирования соответствующих норм, ценностей и убеждений в сознании учащихся в процессе их обучения;

во-вторых, гражданское образование, без которого трудно представить развитое подлинно демократическое общество;

в-третьих, социальную адаптацию, направленную на преодоление психологического дискомфорта, связанного с социальной и материальной дифференциацией общества.

Новая парадигма образовательного процесса в социализации личности не должна исключать и роль семьи, возможно религии, однако и отказываться от уже устоявшихся позитивных традиций в образовательных технологиях так же не продуктивно.

В любом случае, цель образования состоит не только в том, чтобы дать учащимся профессиональные знания, но и в том, чтобы сформировать в их сознании адекватную картину мира, систему ценностей, которые могли бы стать основополагающими принципами их жизнедеятельности.

Литература

1. Поляков Ю. По ту сторону вдохновения. М., 2017.
2. По информации на главной странице сайта «Красная весна». Информационное агентство // URL: <http://rossaprimavera.ru/dmitriy-livanov-obrazovanie-eto-uzhe-davno-ne-sfera-uslug> Дата обращения: 15.12.2016 г.
3. Рябов О.Р., Сибгатуллина И.Ф. Архитектура мировой практики интеллектуальных интеграций // Вестник КРСУ. 2017. №4.Т.17. С.188-192.
4. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С.65-86.
5. Миронов В.В. Погоня за Хиршем: кто остается за бортом преподавания // *Pravmir.ru* // URL: <http://www.pravmir.ru/publikuyus-sledovatelno-prepodayu/> Дата обращения: 15.05.2017г.

Бектанова А. К.

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ ЕАЭС В ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Интеграция – неотъемлемая составляющая политического, экономического и культурного развития современного мира. В настоящее время большинство регионов в той или иной степени охвачено интеграционными процессами. Процессы глобализации, регионализации, интеграции – реалии современных международных отношений, с которыми столкнулись новые независимые государства. Вряд ли будет считаться преувеличением утверждение о том, что современный мир – совокупность региональных интеграционных объединений. Занимая место в каких-либо интеграционных процессах, государства-участники имеют возможность получения значительно больших материальных, интеллектуальных и иных средств, чем в одиночку. В экономическом

отношении – это преимущества в привлечении инвестиций, укрепление производственных зон, стимулирование торговли, свободное перемещение капитала, рабочей силы и услуг. В политическом отношении – снижение риска конфликтов, в том числе вооруженных. В культурном отношении – обмен ценностями культуры, образования, науки.

В пространстве современной интеграции особое место занимает Евразийский экономический союз (ЕАЭС), представляющий собой международное интеграционное экономическое объединение. Евразийский экономический союз создан на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии и Единого экономического пространства как международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью.

В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики. Создание ЕАЭС означает переход к следующей после Таможенного союза и Единого экономического пространства стадии интеграции.

Основными целями Союза являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Договор о его создании был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу с 1 января 2015 г. В основополагающем документе говорится о преемственности евразийской экономической интеграции (Декларация от 18 ноября 2011 г.) и практически все статьи Договора посвящены торговле, таможенному регулированию, интеграции, тарифам и другим экономическим механизмам. Также сделан акцент на приверженности принципам ВТО и ООН. Однако никаких официальных документов, регулирующих взаимодействие в социальной и гуманитарной сферах участников ЕАЭС, нет.

Безусловно, ЕАЭС – это объединение, в котором экономические отношения играют ключевую роль. Без экономики ничего не может развиваться, и это понятно. Но в то же время нельзя не учитывать то, что без образования, без науки, без включения культурных, национальных вопросов, крайне сложно строить отношения между народами и государствами. Для того, чтобы люди понимали друг друга, для достижения атмосферы полного взаимного доверия нам крайне нужны контакты, которые создаются только гуманитарным сотрудничеством – через культуру, искусство, образование. Невозможно представить становление евразийского альянса без сотрудничества в этих сферах.

Классическая школа евразийцев, которая возникла в среде русских эмигрантов в 20-х гг. прошлого века, первоочередное значение уделяла именно вопросам культуры и общества. Развитие культурных связей на евразийском пространстве важно в силу того, что вся история наших государств существует в рамках единого культурного пространства. Поэтому Евразийский союз должен стать союзом государств с общим экономическим, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Фактически, два первых направления реализованы и закреплены в нормативных документах, тогда как два остальных еще находятся в зачаточном состоянии.

Опыт других стран показывает, что нельзя исключать из внимания или принижать культурные факторы, отдавая предпочтение экономическим связям. Кризис в Евросоюзе, помимо экономических, политических и социальных факторов, также имеет культурно-гуманитарное измерение. Как указывал известный французский философ и идеолог новых правых Алан де Бенуа «европейское строительство с самого начала велось вопреки здравому смыслу. Оно началось с промышленности и торговли, вместо того чтобы отдать приоритет политике и культуре» [1].

Поэтому не может вызывать никаких сомнений положение о том, что ЕАЭС должен стать площадкой для выработки новых идей, тенденций и решений для развития систем сотрудничества не только экономического, но и укрепления гуманитарного сотрудничества стран, входящих в евразийское экономическое пространство. Такое сотрудничество будет возможным только тогда, когда культура, идеология и институты интеграционного объединения, то есть, используя терминологию Дж. Ная, - «мягкая сила», будут привлекательны для большинства населения.

Особую роль в развитии евразийской гуманитарной интеграции и диалоге культур должны играть институты гражданского общества и прежде всего НКО и НПО. Это перекликается с концепцией глобального гражданского общества, которое можно определить как гражданское общество, вышедшее за пределы национальных государств, направляя активность на сферу межнационального общественного блага. В пространстве ЕАЭС эта концепция может реализоваться через социальные, экономические, образовательные, гуманитарные проекты.

Состояние НКО и НПО в странах ЕАЭС неодинаково, хотя имеются некоторые общие тенденции развития. В Российской Федерации законодательство относительно деятельности НПО, пожалуй, самое жесткое из всех стран, входящих ныне в ЕАЭС. Правовое положение неправительственных организаций регулируется Гражданским Кодексом РФ, а также – главным образом – законами «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях». Практически ежегодно в эти законы вносятся поправки, изменения и дополнения. Важнейшими дополнениями к этим основополагающим законам стали – в кратком обозначении – законы «Об иностранных агентах» и «О нежелательной на территории России деятельности иностранных и международных неправительственных организаций», принятые, соответственно, в 2012 и 2015 годах [2]. Эти меры значительно сократили численность НПО, функционирующих на средства иностранных доноров. Одновременно с этим на государственном и законодательном уровне стали поощряться «социально ориентированные некоммерческие организации», деятельность которых направлена на решение социальных проблем. Они могут рассчитывать на государственные гранты, субсидии, а также, в отдельных случаях, на прямое финансирование.

Совершенно иная ситуация в Кыргызстане. Во-первых, государство практически не принимает участия в создании и деятельности НКО и НПО и не финансирует их. Большинство НКО и НПО в Кыргызстане финансируется западными финансовыми структурами, а, следовательно, является механизмом реализации «мягкой силы» западных стран и проводником их идеологии. Во-вторых, отечественное законодательство в сфере НКО и НПО намного мягче российского. Так называемый закон об «иностранных агентах», инициируемый некоторыми депутатами Жогорку Кенеша, не был принят в первоначальной редакции. Из текста новой редакции Закона «О некоммерческих организациях» был убран сам термин «иностранный агент», а также исключена возможность уголовного преследования представителей НПО и НКО. Поэтому неудивительно, что такое лояльное отношение позволило многим прозападным НПО выступить против вступления Кыргызстана сначала в Таможенный Союз, а затем и в ЕАЭС. Сейчас трудно назвать конкретные кыргызстанские НПО, продвигающие идеи евразийской интеграции.

Проблемы, возникшие в процессе формирования и становления ЕАЭС, и носящие не только экономический, но и политический характер, усилили антиинтеграционные тенденции не только в среде НПО, но и в обществе в целом.

Центральноазиатское социокультурное пространство находится на стыке различных цивилизаций – славянской, тюркской, китайской, исламской, западной – и на перекрестке действия соответствующих «мягких сил». Культурно-историческая, ментальная, социально-политическая и экономическая общность республик Центральной Азии с большинством постсоветских стран позволяет выделить особую, евразийскую

цивилизацию. Поэтому актуальность создания их интеграционного объединения не вызывает сомнений. На межгосударственном уровне деятельность по евразийской интеграции институционализировалась в создании ЕАЭС. Но это, как уже было сказано, по большей части экономический проект евразийского сотрудничества. Для гуманитарной интеграции и диалога культур сейчас важно формирование гражданских структур евразийской направленности.

Большинство таких структур возникло и функционирует в России и финансируется государством. В частности, это Евразийская ассоциация университетов, Евразийский экономический форум молодежи, международная общественная организация содействия общественной дипломатии, научно-образовательному и молодёжному сотрудничеству «Евразийское содружество». Указанная организация инициировала проект «Евразийский гражданский альянс», представляющий собой горизонтальную систему взаимодействия экспертов из стран ЕАЭС на основе общего интернет-портала. Также к названным структурам относятся Ассамблея народов Евразии, независимое объединение экспертов из стран евразийского пространства Евразийский Аналитический Клуб (ЕАК), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Фонд «Евразийцы – новая волна», Фонд развития «Институт евразийских исследований». Филиалы последних двух организаций имеются в Кыргызстане. В рамках Фонда «Евразийцы – новая волна» в Бишкеке функционирует Аналитический Клуб Молодежи. Главная задача всех названных структур - продвижение евразийской идеи, выработка общих ценностных подходов, форм практического взаимодействия в целях углубления социокультурной интеграции евразийского сообщества и обеспечения развития национальных социальных и экономических систем.

Кыргызстанских гражданских институтов, деятельность которых непосредственно направлена на евразийское сотрудничество и интеграцию, немного. Так, в 2010 г. был создан Общественный фонд «Единство», позиционирующий себя в качестве социально-ориентированной общественной организации, деятельность которой направлена на организацию взаимодействия бизнес-структур с гражданским обществом, представителями государства, на содействие и оказание реальной помощи представителями бизнеса в реализации социально значимых общественных проектов, направленных на развитие гражданского общества, развитие межкультурного взаимодействия, гуманитарного сотрудничества и др.

В сентябре 2017 г. был образован «Экономический Союз евразийских предпринимателей» «Деловой Союз Евразии Кыргызстан». Союз является некоммерческой организацией, основанной на членстве, и содействует своим членам в развитии партнерских отношений с субъектами предпринимательства в странах участницах Евразийского экономического пространства, с целью налаживания экономических, торговых и инвестиционных связей. То есть вектор его деятельности направлен прежде всего на экономическое сотрудничество.

В рамках евразийского сотрудничества наиболее представлены экспертно-аналитические и медийные структуры. Это, в частности, Клуб региональных экспертов «Пикир», который является независимой аналитической площадкой, объединяющей политологов, экспертов и представителей научной среды, бизнесменов и государственных служащих, и занимается аналитической деятельностью, посвященной исследованию актуальных вопросов социально-экономической и политической ситуации в Кыргызстане, странах ЕАЭС, СНГ. Также можно назвать аналитический интернет-портал «Деловая Евразия», деятельность которого непосредственно направлена на освещение событий на евразийском пространстве. В конце 2016 г. в Бишкеке состоялась презентация общественного объединения «Международная Ассоциация Евразийских Исследований», объединяющего исследователей Казахстана и Кыргызстана.

Гуманитарная интеграция и диалог культур на евразийском социокультурном пространстве во многом зависят также от развития сотрудничества в сфере науки и

образования, культуры и искусства, спорта и туризма, межконфессионального сотрудничества и народной дипломатии. И именно через эти каналы нужно продвигать идеи культурного и гуманитарного взаимосодействия и взаимодействия между странами евразийского пространства.

Литература

1. Ален де Бенуа, Леонид Савин. Либерализм, кризис и будущее Европы. Геополитика // URL: <http://www.geopolitica.ru/article/liberalizm-krizis-i-budushchee-evropy#.WJHe2tKLTIU> Дата обращения 07.06.2013
2. Стецко Е. В. Неправительственные организации в странах ЕАЭС: перекресток «мягких сил». // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92).

Урманбетова Р.

ЕАЭС КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В силу того, что современный мир активно глобализируется, создаются крупные интеграционные объединения, политические и экономические союзы, перспективы развития малых государств являются безальтернативными. Малые государства вынуждены попадать под влияние крупных политических игроков. Альтернативой же является, скорее, их маргинализация, нежели развитие. Государства, которые не входят в крупные экономические союзы, неизбежно утрачивают свои позиции в международной экономической конкуренции, научной модернизации, технологическом развитии и т.д.

С распадом СССР все постсоветские республики, и, в частности, государства Центральной Азии, столкнулись с тем, что экономическая система, хозяйственные связи в СССР были построены таким образом, что все субъекты государства были взаимозависимы и вынуждены были активно взаимодействовать. В такой ситуации интеграция, бесспорно, это наилучший способ сохранить еще не до конца утраченные взаимосвязи между бывшими республиками СССР, успешно использовать потенциал всех государств-участников, преодолеть отсталость.

В силу того, что хозяйственные связи между государствами бывшего СССР были заложены единой советской экономической системой, даже Россия, самостоятельно, без взаимодействия с другими республиками региона способна производить только 65% от общего количества продукции. Казахстан без взаимосвязи с Россией в состоянии произвести лишь 10% от общего количества производимой продукции. Кыргызстан – только 5% [1]. Подобная технологическая взаимозависимость – ключевой повод к интеграции.

С этой точки зрения создание в регионе успешного интеграционного объединения являлось вполне ожидаемым событием. Таким объединением призван выступить Евразийский экономический союз (ЕАЭС), предполагающий формирование Единого экономического пространства и Таможенного союза, созданный на основе Евразийского экономического сообщества. Изначально в ЕАЭС входили Россия, Беларусь и Казахстан. Впоследствии к ЕАЭС присоединились Кыргызстан и Армения.

Современный ЕАЭС обладает существенным территориальным и ресурсным потенциалом. Энергетический потенциал ЕАЭС представляет собой около 15%

общемировых запасов нефти и 20% общемировых запасов газа [2]. Если предположить, что в перспективе к объединению присоединятся новые члены из числа других государств Центральной Азии или постсоветского пространства в целом, то посредством объединения ресурсов, создания условий для их переработки, трансфера и обмена, ЕАЭС вполне будет способен достигнуть уровня наиболее успешно развивающихся европейских, американских и азиатских интеграционных объединений. Особенно учитывая тот факт, что к 2019 году на базе ЕАЭС планируется создание общего электроэнергетического рынка, а к 2025 году – общего нефтегазового рынка [3, 182].

Таможенный союз ЕАЭС также уже продемонстрировал свою успешность в качестве института интеграции. По сведениям экспертов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, общий результат от деятельности Таможенного союза составил 400 млрд долл. США. Государства-члены Таможенного союза в результате интеграции увеличивают ВВП примерно на 15 % [4, 119]. На сегодняшний день общий ВВП стран ТС превышает 2 трлн долл. США, общий промышленный потенциал превышает 600 млрд долларов, на сумму свыше 112 млрд долларов ежегодно выпускается сельскохозяйственная продукция, потребительский рынок равен примерно 170 млн человек [5, 25]. Безусловно, создание Таможенного Союза справедливо было названо В.В. Путиным «самым большим событием на территории бывшего СССР в период после его крушения» [6, 55].

Таможенный Союз – это реальная перспектива для его участников обеспечить себе свободный доступ на внутренние рынки остальных государств-членов Союза не только для сбыта своих товаров, но и для импорта продукции. С этой целью создается единая тарификация таможенных пошлин, которая призвана минимизировать внешнюю конкуренцию. Помимо того, формирование Таможенного Союза существенно снизит затраты его членов на обустройство границ и приграничных пунктов между государствами-партнерами, что предоставит возможность перенаправить средства на защиту внешних границ Союза и эффективную модернизацию таможенных органов. При этом нужно заметить, что члены Таможенного Союза не только обладают большим количеством природных ресурсов, но и выгодным геополитическим положением, уникальными промышленными комплексами в оборонной и космической сферах, высоким уровнем образования и науки, а также, что немало важно, цивилизационной общностью.

Конечная цель экономической политики, реализуемой в рамках ЕАЭС – достигнуть максимального импортозамещения, то есть перейти в рамках организации на самообеспечение, при котором внутренний товарооборот будет превышать либо сравняется с внешним товарооборотом. При этом, необходимо учитывать, что политика импортозамещения, бесспорно, должна реализовываться при таких условиях, чтобы производимые товары не теряли конкурентоспособность и соответствовали всем мировым рыночным стандартам.

Как и любой проект, ЕАЭС, безусловно, имеет и свои слабые стороны, которые успешно используются для критики союза. Поводом для критики ЕАЭС зачастую является политический характер объединения, так как такое объединение предполагает наличие наднациональных структур. При этом, критики настаивают, что подобное объединение в конечном итоге приведет к потере суверенитета государств-участников в пользу РФ [7].

Кроме того, критики ЕАЭС и ТС настаивают, что равенство участников, по своей сути, лишь формальное, российский бизнес пользуется привилегиями, так как российское руководство всячески этому способствует: российские компании входят на рынки государств-членов, в то время как вхождение бизнеса из государств-партнеров по ЕАЭС на внутренний рынок РФ весьма проблематично [8].

Еще одним поводом для критики является вопрос равноправия всех государств-членов ЕАЭС, а также вступающих в нее государств, равно как и проблема равноправия

между основателями и новыми государствами. Этот вопрос все еще открыт. Хотя формально закреплено равенство всех участников, исследователи опасаются доминирующей роли РФ.

В дополнение к вышеуказанным фактам о доминировании РФ, к негативным сторонам ЕАЭС относится тот факт, что при вступлении в ЕАЭС таких государств, как, к примеру, Кыргызстан и Армения, товары общего потребления, импортируемые из государств, не входящих в ТС, существенно дорожают в силу роста таможенных пошлин и приведения их к единому уровню в Россией, Казахстаном и Беларусью.

В добавок, эксперты настаивают на том, что для государств со слабой экономикой, таких как Кыргызстан, ЕАЭС и ТС вообще несет больше минусов, чем плюсов. В подтверждение тому приводятся аргументы, что существенных инвестиций в экономику КР не поступит в силу того, что рынок сбыта товаров находится, по большому счету, в европейской части ЕАЭС, а крупные промышленные объекты рационально создавать там, где предполагается потребительский рынок сбыта, чтобы минимизировать затраты на транспортировку готового продукта. Следовательно, расположение крупных предприятий на территории КР экономически нерентабельно. Кроме того, государственный бюджет участников ЕАЭС недополучит средств в силу неуплаты таможенных платежей за ввоз товаров из государств ТС.

Кроме того, исследователи опасаются того, что расширение ЕАЭС за счет включения в него Кыргызстана, Армении, а в перспективе и Таджикистана, в конечном итоге приведет к возникновению проблем внутри организации, так как включение этих стран влечет за собой дополнительные очаги конфликтов и нестабильности, а также повышение объема контрабанды.

Помимо этого, существует мнение о том, что вообще вся идея евразийской интеграции была дискредитирована политикой Москвы в отношении Украины и Крыма, Россия из гаранта стабильности в регионе превратилась в угрозу этой стабильности [9]. Результатом этого стала потеря привлекательности ЕАЭС для потенциальных членов из числа государств ЦА и постсоветского пространства.

В целом, возникновению критики евразийской интеграции способствуют, во-первых, текущая экономическая ситуация, так как в отношении России со стороны государств Запада были введены санкции, а Россия, в свою очередь, ввела продовольственное эмбарго, крушение курса рубля, падение цены на нефть, что в экономиках членов ЕАЭС неминуемо создало угрозу рецессии, а во-вторых, вхождение Крыма в состав России и затянувшийся политический кризис на Украине, что способствует политизированности вопроса. Так, к примеру, до начала действия российского продовольственного эмбарго, которое автоматически распространяется на государства ТС, 30% импорта РК представляли собой именно товары из санкционного списка, что уже повлекло сокращение импорта, и, следовательно, рост потребительских цен.

Тем не менее, несмотря на все негативные заключения, нужно принять тот факт, что формирование и Таможенного союза, и Евразийского экономического союза – существенный шаг в развитии государств постсоветского пространства. Только за первые годы существования ТС, товарооборот между государствами-членами увеличился более чем на 36% [10]. Эксперты отмечают взаимозависимость между плюсами постсоветской интеграции и внутривнутриполитическими процессами в государствах-членах. Из этого следует, что есть все основания предполагать, что ЕАЭС и далее будет расширяться за счет вхождения в состав новых государств. А если предположить, что членом ЕАЭС в перспективе может стать Иран или Турция, то в таком случае ЕАЭС вполне способно выступить крупным центром энергетического потенциала.

Перспективу вступления в ЕАЭС не отрицает руководство Таджикистана. Эмомали Рахмон, президент РТ, заявил, что он с этой целью изучает нормативную и экономическую основы ЕАЭС [11]. Включение новых членов в состав организации равнозначно выгодно как для ЕАЭС, так и для этих новых государств. К примеру,

Армения после вступления в ЕАЭС получила преференции в виде уменьшения цен на нефтепродукты и газ, а также обнуления экспортных пошлин на алмазное сырье.

Изменение ориентации Украины с Евросоюза в сторону ЕАЭС также имело бы ряд положительных результатов. Например, Беларусь, равно как и Армения, освобождены от оплаты экспортной пошлины на российский газ. Можно предположить, что и Украина при вступлении в ЕАЭС, покупала бы газ в РФ по сниженным тарифам. Кроме того, принимать во внимание тот факт, что объемы товарооборота между Украиной и постсоветскими государствами в сравнении с Евросоюзом достаточно высоки. Кроме того, до настоящего времени действует зона свободной торговли СНГ, однако, если Украина окончательно примет решение дистанцироваться от государств СНГ с пользой ЕС, выход Украины из зоны свободной торговли СНГ обойдется примерно 3 млрд долларов ежегодно [12]. за счет роста импортных таможенных тарифов, непринятия товарных сертификатов, обнуления различных соглашений касательно торговли и т.д.

Возможность реинтеграции государств бывшего СССР спровоцировало негативную реакцию западных стран. Так, Хиллари Клинтон однажды сделала заявление, что США будут всяким образом препятствовать созданию «новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции» [13]. Бесспорно, способов противодействия евразийской интеграции достаточно много: например, нефтяная политика или муссирование разногласий касательно статуса нефти на Каспии. Однако, объединив усилия, государства вполне способны преодолеть все противоречия и нацелиться на дальнейшее эффективное сотрудничество.

Следует также отметить, что государствам Центральной Азии предлагаются и альтернативные модели интеграции, однако, нужно понимать, что интеграция с различными развитыми государствами, отдаленными и, географически, и цивилизационно, потребует гораздо больше времени, нежели экономическая интеграция с государствами постсоветского пространства, так как их объединяет не только общность интересов, а еще и более-менее схожие уровни экономического и социального развития. Кроме того, присутствуют точки соприкосновения в области допустимости совместного противодействия угрозам экономической безопасности. Справедливо полагать, что именно государства, с относительно равными уровнями социально-экономического развития, интегрировавшись, способны совместно эффективно реализовать себя в мировой экономической системе и справиться с негативными последствиями кризисов, а геоэкономическая модель интеграции – наиболее успешная концепция объединения государств Центральной Азии.

Итак, Евразийский экономический союз – наиболее перспективная модель интеграции Центрально-Азиатских государств. Обладая существенным территориальным и ресурсным потенциалом, при вхождении в него новых членов из числа других государств ЦА, посредством объединения ресурсов, создания условий для их переработки, трансфера и обмена, ЕАЭС вполне будет способен достигнуть уровня наиболее успешно развивающихся интеграционных объединений. Несмотря на активную критику и Евразийского экономического союза, и созданного на его основе Таможенного Союза, эти объединения уже продемонстрировали свою эффективность и положительные качества в виде увеличения как макроэкономических показателей государств-членов, так и объемов товарооборота. Кроме того, экономическая интеграция ЦА с государствами постсоветского пространства рациональна, так как их объединяет не только общность интересов, но и более-менее схожие уровни экономического и социального развития, а геоэкономическая модель интеграции – наиболее успешная современная концепция объединения государств.

Литература

1. Баранов Н.А. Геополитика на постсоветском пространстве // URL: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/280-tema-16-geopolitika-na-postsovetskom-prostranstve> Дата обращения 27.04.2018г.
2. См.: Лобыкин А. Эффект на 900 миллиардов// URL: <http://expert.ru/2014/05/29/prityagatelnyij-tsentr-ekonomicheskogo-razvitiya/> Дата обращения 27.04.2018 г.
3. Тофан А.В. Интеграция постсоветского пространства: проблемы и перспективы // Вестник КРСУ. 2016. № 6. Т.16.
4. Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. 2013. № 37.
5. Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10.
6. Егоров В. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель-Observer. 2011. № 9.
7. Бурнашев Р.Р. Анализ перспектив расширения ЕАЭС (проблемные точки) // URL: <http://sibir-eurasia.ru/?id=53> Дата обращения 27.04.2018г.
8. Пять плюсов и минусов интеграции Украины в Таможенный союз или Евросоюз // URL: <http://www.segodnya.ua/economics/enews/Evropa-vs-SNG-458082.html> Дата обращения 27.04.2018г.
9. Медведев С. Кремль толкает Казахстан и Беларусь в объятия других геополитических игроков // URL: <http://novgaz.com/index.php/2-news/1360--сергей-медведев-«кремль-толкает-казахстан-и-беларусь-в-объятия-других-геополитических-игроков»> Дата обращения 27.04.2018г.
10. Анализ состояния и перспектив развития евразийского экономического объединения // URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/eazs/> Дата обращения 27.04.2018г.
11. В Таджикистане неоднозначно смотрят на евразийскую интеграцию // URL: <http://korrespondent.net/world/3442162-v-tadzhikystane-neodnoznachno-smotriat-na-evraziyskuui-yntehratsyui> Дата обращения 27.04.2018г.
12. Анализ состояния и перспектив развития евразийского экономического объединения // URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/eazs/> Дата обращения 27.04.2018г.
13. Клинтон: США не допустят воссоздания СССР // URL: <http://vz.ru/news/2012/12/7/610688.html> Дата обращения 27.04.2018г.

Дель В. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Достаточные меры по обеспечению духовной безопасности должны предпринимать и общество, и сам человек. При этом всякий раз нужно делать оговорку, связанную с тем, что духовная безопасность есть не что иное, как *утопия*, феномен, для человека и общества недостижимый. Иными словами, никто не может находиться в духовной безопасности пока человек мыслит и существует, пока он является неотъемлемой частью

общества. Видимо, по этой причине появляются на свет утверждения, в соответствии с которыми «в социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях» [2, 15], но в то же время очевидным представляется и существование проблемы *жизнестратегий* общества, государства и человека, определяемых в том числе и на основании чувства защищенности или безопасности человека перед лицом различных социальных и техногенных угроз, а также возможностей государства поддерживать эту уверенность в каждом своем гражданине. И здесь от абстрактных форм и измерений мы переходим к вполне реальным потребностям и стремлениям людей, имея в виду их *жизнестратегии*, под которыми понимаются, по мысли А. Н. Бурыкина, «стремления и желания людей жить достойно, формировать крепкие и большие семьи, творчески и физически развиваться, образовывать новые производства и строить новые города» [1, 148]. Исходя из этого можно, по-видимому, вести речь о том, что духовная безопасность, являясь, с одной стороны, категорией абстрактной, с другой стороны, обнаруживает такие формы, в которых существо духовной безопасности является вполне определенным и может быть описано в социальных и социокультурных характеристиках. К числу таких маркеров следует отнести человеческий потенциал и человеческий капитал, социальное благополучие и т.д. Об этом также пишет, в частности, Е. А. Попов [4, 12-14; 5, 64-68].

Духовная безопасность связана с духовной жизнью общества – в этом состоит ее социоцентричный смысл. По крайней мере, такая область человеческих отношений как духовная жизнь в ее институциональном смысле находится на границе внутреннего и внешнего миров в бытии человека, а значит, способна привлечь исследователей, способных не только к теоретическим обобщениям по поводу духовности, но и к рефлексии духовного. Именно поэтому некоторые социологи все же неоправданно быстро стремятся «узаконить» соотношение духовной жизни с жизнью общественной: духовная жизнь общества – «это относительно самостоятельная область общественной жизни, основу которой составляют специфические виды специализированной духовной деятельности и общественных отношений, регулирующих духовную деятельность и функционирование общественного сознания» [3, 309]. Как видим, в такой интерпретации духовная жизнь характеризуется в операциональных категориях, способных придать этому понятию вещественный, атрибутивный – социально обусловленный смысл, что, конечно же, вовсе не исчерпывает глубины феномена духовной жизни и прежде всего в тех ситуациях, когда нужно говорить о внутреннем мире человека, его субъективных взглядах на социальную действительность.

Но все-таки несмотря на такое заметное внимание современной социогуманитарной области науки к природе духовного, духовной жизни человека и общества и даже духовной безопасности, приоритетным в изучении для нее остается безопасность социальная или безопасность тотальная, всеобъемлющая. Это происходит, как нам кажется, по нескольким причинам:

1) социальная безопасность концептуализируется в более реальных, а не абстрактных категориях, что позволяет измерить уровни социальной безопасности, эффективность разносторонних мер, предпринимаемых государством для обеспечения социальной безопасности и т.д.;

2) социальная безопасность как часть национальной безопасности определяет политику государства, направленную на предотвращение самой возможности социальных угроз обществу, а также преодоление последствий социального дисбаланса, наступившего вследствие реализации таких угроз;

3) в системе ценностей и норм, присущих тому или иному обществу, социальные нормы, обеспечиваемые социальной безопасностью, определяют поведение людей, набор требований, запретов и разрешений, устанавливаемых для каждого человека и для общества в целом, а следовательно, социальная безопасность «запускает» в действие механизмы повседневной социальной реальности.

Эти и другие причины позволяют концентрировать усилия исследователей и одновременно сохранять актуальность для системы государственного управления такого объекта как социальная безопасность.

По существу, «как определенный аспект деятельности и поведения людей, государственных и общественных институтов социальная безопасность есть выявление, предупреждение, нейтрализация, ослабление, устранение или отражение социальных угроз» [6, 450]. В таком определении явно усматривается крен в сторону обеспечительных мер, составляющих суть социальной безопасности, но необходимо иметь в виду, что сам по себе человек в повседневной жизни вряд ли способен выявить, предупредить, нейтрализовать и т.д., если речь идет о социальных угрозах. Вместе с тем социальные угрозы представляют собой «возможные или реальные общественные явления, события и процессы, способные уничтожить или вызывать деградацию тех или иных социальных субъектов (личности, семьи, этноса, народа, государства и т.п.), важных для людей отношений, институтов, созданных трудом богатств или природных ценностей, закрыть путь к развитию» [6, 450]. В череде социальных угроз, какими бы опасными они не представлялись, человек является беззащитным и даже в том случае, если государство предпринимает серьезные меры по ограждению общества и граждан от социальных угроз, эффективность такого государственного вмешательства вряд ли возможно оценивать достаточно высоко. Это связано, конечно, с объективными причинами: социальные угрозы подстерегают общество в целом и каждого отдельного человека — сложно заставить силой человека трудиться, чтобы обеспечивать себя самого и свою семью, с другой стороны, государству практически невозможно сделать рынок труда идеальным, преодолеть безработицу, обеспечить своевременную выплату достойной заработной платы и т.д.

Достижение социальной безопасности связывается не только с возможностями государства и общества «нейтрализовать, ослабить, устранить», но и с ответственностью населения и граждан перед лицом социальных угроз. Эта ответственность базируется и на правовой регламентации общественных отношений, и на адекватном взаимодействии человека и социума. Именно последнее обстоятельство позволяет говорить о социокультурной деятельности человека, способной отражать возможные социальные угрозы и тем самым укреплять или поддерживать социальную безопасность в стране. На самом деле спектр социокультурной деятельности довольно широк; мы можем вести речь о сохранении своих культурных традиций и норм, транслировании их последующим поколениям людей, созидании таких ценностно-смысловых систем, которые обеспечивают включенность человека в культуру и общественные отношения, о развитии инновационных форм, гармонизирующих взаимодействие государства, общества и человека как носителя культуры, и т.д.

Литература

1. Бурыкин А.Н. Формирование жизнестратегии региона в переходный период (на примере Сахалинской области) // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4.
2. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.
3. Петров Ю.В. Жизнь общества духовная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М., 2003.
4. Попов Е.А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул, 2012.

5. Попов Е.А. Культура и духовная жизнь человека и общества в системе современного социологического знания и в условиях российско-азиатского поликультурного взаимодействия: монография. Барнаул, 2013.
6. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М., 2003.

Авторы сборника:

Акенеев Жумакадыр, доктор экономических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, "Заслуженный экономист КР",

Бугазов Анвар Хусайнович, доктор философских наук, профессор ФиСПН КРСУ, г. Бишкек.

Бектанова Айгуль Карыбаевна, кандидат политических наук, доцент ФиСПН КРСУ, г. Бишкек

СтамоваРахатДуйшембуевна, доктор философских наук, профессор, Института философии и политико-правовых исследований НАН Кыргызской Республики.

Попов Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Алтайского государственного университета. РФ, г. Барнаул.

Коростелева Ольга Тимофеевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Алтайского государственного университета. РФ, г. Барнаул.

Панков Виталий Вячеславович, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой ФиСПН КРСУ

Бердаков Денис Михайлович, заместитель директора представительства фонда «евразийцы- новая волна» в Кыргызстане

Мотина Анна Владимировна, магистрант факультета социологии Алтайского государственного университета. РФ, г. Барнаул

Хайбулина Флюра Дамировна, кандидат философских наук, доцент кафедры ФиСПН КРСУ, г. Бишкек.

Кондратова Ольга Михайловна. Старший преподаватель кафедры ФиСПН КРСУ, г. Бишкек.

ТеишоваМадинаНурлановна, преподаватель, Бишкекский Гуманитарный Университет им. К. Карасаева.

ЖылдызбеккызыАйкерим, преподаватель, Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева

Урманбетова Руфина Темирбековна студентка философского отделения Гуманитарного факультета КРСУ

Дель Владимир Владимирович, студент факультета социологии АлтГУ. РФ, г.Барнаул